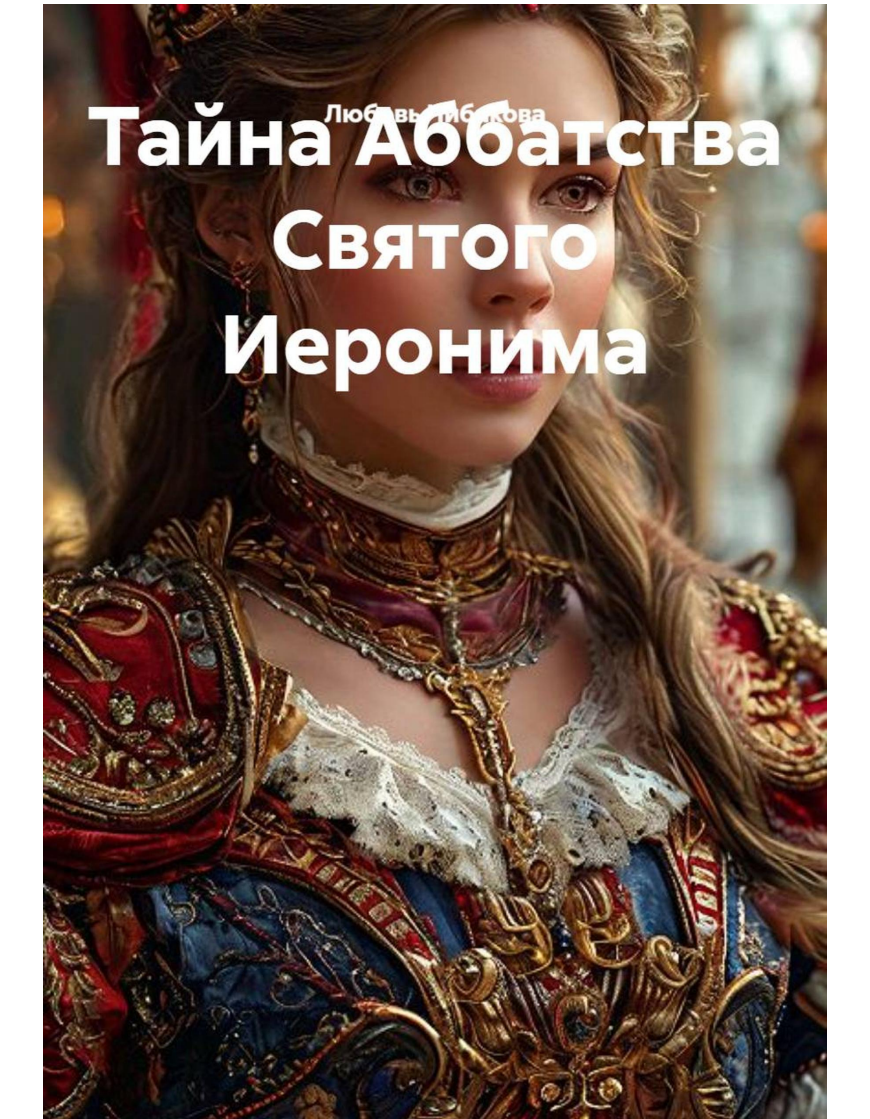

A close-up portrait of a woman with long, wavy blonde hair, wearing an elaborate historical costume. The costume features a high, ornate collar with gold embroidery and a lace-trimmed bodice. The background is blurred, suggesting an indoor setting with warm lighting.

Любовь Милова

Тайна Аббатства Святого Иеронима

Любовь Чобакова Тайна Аббатства Святого Иеронима

<https://litres.ru/74069549>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она должна была умереть в младенчестве.

Но судьба распорядилась иначе.

Спустя годы скрытая от мира наследница престола возвращается, чтобы вернуть себе имя, корону и справедливость.

История о тайнах прошлого, верности, предательстве и силе духа, способной изменить судьбу целого королевства.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Тайна Аббатства Святого Иеронима

Глава

Тайна Аббатства Святого Иеронима.

Глава 1.

Год 1495-й выдался холодным и сырым даже для северных земель. Осень здесь наступала рано, будто солнце уставало светить этим краям и поспешно уходило за серые тучи. Дорога к Аббатству Святого Иеронима тянулась через бесконечные леса и болотистые низины, где земля под ногами чавкала так, словно не желала отпускать путников дальше. Старый тракт, выложенный еще много столетий назад крупным камнем, местами уходил под воду, и колеса повозок вязли в грязи почти по самые оси. По обе стороны дороги стояли темные ели, высокие и неподвижные, как молчаливые стражи этих земель. Их ветви нависали так низко, что порой казалось - лес пытается сомкнуться над дорогой и скрыть ее от чужих глаз.

Редкие путники старались не задерживаться здесь после заката. Возницы, встретившиеся Мишелю по дороге, крести-

лись при упоминании аббатства и говорили вполголоса, будто лес мог их услышать. Один старик, подвозивший его часть пути, и вовсе пробормотал, что колокола Святого Иеронима иногда звонят по ночам сами, хотя колокольню всегда закрывают до рассвета. После этих слов он замолчал и больше не проронил ни слова до самого перекрестка.

Мишель де Руан сидел в повозке спокойно, закутавшись в темный дорожный плащ. Мужчина он был высокий, статный, с правильными чертами лица и аккуратно подстриженной темной бородой, в которой уже серебрились первые нити седины. Его руки, непривычно ухоженные для человека дороги, лежали поверх кожаной сумки с письменными принадлежностями и рекомендательным письмом епископа. Взгляд у Мишеля был внимательный и немного усталый - взгляд человека, который слишком много видел и слишком редко удивлялся.

К вечеру лес начал редеть, и впереди сквозь туман впервые проступили очертания аббатства.

Аббатство Святого Иеронима возвышалось над болотами, словно выросло прямо из черного камня. Высокие стены с узкими окнами казались неприступными, а башня колокольни терялась в сером небе. Влажный ветер тянул с болот запах сырости, мха и холодной воды. Внизу, у подножия холма, прятался маленький городок - несколько десятков домов с покосившимися крышами, кузница, трактир да лавка торговца свечами. Даже отсюда было видно, что жители стара-

ются лишний раз не смотреть в сторону монастыря.

Само аббатство не производило впечатления святого места. В нем не было света и величия, которыми любили хвастаться южные монастыри. Оно казалось суровым, молчаливым и слишком старым. Камень стен почернел от времени и дождей, а статуи святых над воротами почти стерлись, словно ветер и годы постепенно стирали их лица.

Когда Мишель подошел ближе, тяжелые ворота медленно отворились, будто в аббатстве уже знали о его прибытии. Из темноты двора показался монах с фонарем в руке. Он молча посмотрел на путника, затем перевел взгляд на письмо с печатью епископа и только после этого тихо произнес:

- Добро пожаловать в Аббатство Святого Иеронима, господин де Руан... Надеюсь, вы умеете хранить тайны.

Тяжелая дверь за спиной Мишеля закрылась с таким глухим звуком, будто отрезала его от прежней жизни. Несколько мгновений он еще слышал удаляющиеся шаги монаха, затем и они растворились в глубине коридоров, уступив место странной тишине аббатства. Не полной - нет. Где-то далеко потрескивал огонь, скрипели старые балки под ветром, а снаружи временами доносился протяжный крик болотной птицы. Но все эти звуки только сильнее подчеркивали одиночество этого места.

Мишель медленно снял дорожный плащ и огляделся.

Комната оказалась небольшой, но удивительно чистой. Узкая деревянная кровать у стены, стол, грубо сколочен-

ный из темного дуба, высокий подсвечник с толстой восковой свечой и тяжелый сундук для вещей. На каменном полу лежала потертая шкура, а в углу тихо потрескивал маленький очаг, едва справлявшийся с сыростью, пропитавшей стены. Узкое окно больше походило на бойницу - через мутное стекло почти ничего не было видно, кроме тумана и редких огоньков внизу, в городке.

Но больше самой комнаты его заинтересовало аббатство.

Еще пока его вели по длинным коридорам, Мишель успел заметить, насколько странным было внутреннее устройство монастыря. Аббатство Святого Иеронима словно строили не один век и не по единому замыслу. Старые каменные переходы неожиданно соединялись с более новыми галереями, лестницы вели то вверх, то резко уходили вниз, а некоторые двери выглядели так, будто их не открывали десятилетиями.

Стены были сложены из темного влажного камня, который даже днем, вероятно, не видел солнечного света. Повсюду горели свечи и масляные лампы, но их света едва хватало, чтобы разогнать густые тени под сводами. На стенах висели потемневшие от времени гобелены с изображениями святых, чьи лица почти стерлись, отчего казалось, будто они наблюдают за каждым вошедшим пустыми глазницами.

Особенно запомнился Мишелю внутренний двор, который он успел увидеть через арочный проход. Колодец посреди двора был накрыт тяжелой железной решеткой, словно кто-то боялся, что оттуда может выбраться нечто неже-

лательное. Рядом стояла старая статуя Святого Иеронима с книгой в руках, но трещина, проходившая через каменное лицо святого, придавала ему скорее страдальческий, чем благочестивый вид.

И еще одно показалось Мишелю странным.

Несмотря на поздний час, аббатство не спало. За закрытыми дверями слышались шаги, приглушенные голоса, иногда - скрип ключей. Один раз ему даже почудилось, будто где-то внизу быстро захлопнули тяжелую дверь и кто-то коротко вскрикнул. Монах, сопровождавший его, тогда заметно ускорил шаг, словно боялся, что гость начнет задавать вопросы.

Мишель подошел к столу, провел пальцами по гладкой поверхности дерева и задумчиво посмотрел на дрожащее пламя свечи. Что-то в этом месте было неправильным. Не пугающим - пока нет. Скорее... настораживающим. Слишком много закрытых дверей, слишком много молчания и слишком внимательных взглядов монахов, которые старались казаться незаметными.

Он устало опустился на кровать, но сон не шел. За окном завывал ветер, а где-то далеко в глубине аббатства неожиданно раздался глухой удар колокола.

Один раз. И снова наступила тишина.

Он долго ворочался на жесткой кровати, прислушиваясь к звукам аббатства. За стенами то и дело что-то скрипело, где-то далеко гулко хлопала дверь, а ветер за узким окном

был так протяжно, будто бродил вокруг монастыря живым существом. Несколько раз Мишелю казалось, что по коридору кто-то проходит - медленно, почти бесшумно, останавливаясь у его двери. Тогда он невольно задерживал дыхание и вслушивался, но шаги снова удалялись, растворяясь в каменных переходах.

Наконец усталость взяла свое, и он уснул. Сон его был тяжелым и тревожным.

Он стоял посреди монастырского двора. Небо над аббатством было черным, без единой звезды, а сам двор тонул в густом сером тумане. Посреди двора возвышалась колокольня - гораздо выше, чем была на самом деле. Ее верхушка терялась во мраке, а колокол раскачивался сам по себе, издавая глухой, надтреснутый звон.

Бом...

Бом...

Каждый удар отдавался у Мишеля внутри груди.

И тогда он увидел звонаря. Старик сидел возле колокола, скорчившись, словно огромный паук. Его тело было замотано в грязные серые тряпки, скрывавшие лицо и руки. Лишь из-под ткани поблескивали странно светлые глаза. Тонкие пальцы судорожно вцепились в веревку колокола, и при каждом ударе старик начинал тихо смеяться - сухо, хрипло, почти безумно.

Мишель хотел окликнуть его, но не смог произнести ни слова. Тогда звонарь медленно поднял голову.

- Поздно приехал... - прошелестел он голосом, похожим на скрип старой древесины. - Слишком поздно...

Колокол ударил снова.

Бом...

И вдруг туман вокруг начал наполняться силуэтами людей. Они стояли молча, неподвижно, с закрытыми лицами, словно ждали чего-то. Некоторые были в монашеских рясах, другие - в богатых одеждах, а кто-то выглядел как обычные крестьяне. Но всех их объединяло одно - глаза. Пустые, темные, безжизненные. Звонарь медленно вытянул руку и указал вниз.

Мишель посмотрел себе под ноги и почувствовал, как по спине пробежал холод.

Камни двора были залиты чернилами... густыми, черными, похожими на кровь. А среди них лежали разорванные страницы книг и чьи-то письма с сорванными церковными печатями.

- Они все еще здесь... - прошептал старик. - Все еще ждут...

Внезапно колокол зазвонил так громко, что воздух будто разорвался.

Мишель резко проснулся.

Свеча в комнате почти догорела, за окном все еще бушевал ветер... а где-то далеко в глубине аббатства действительно глухо ударил колокол. Еще один раз.

Глава 2.

Утром Мишель проснулся в холодном поту. Несколько мгновений он неподвижно сидел на кровати, пытаясь окончательно понять - сон это был или нет. В ушах все еще стоял глухой звон колокола, а перед глазами всплывало лицо старого звонаря, замотанного в грязные тряпки.

Он резко поднялся, подошел к деревянному чану с водой и плеснул себе в лицо. Ледяная вода быстро привела его в чувство. Мишель несколько минут стоял, опершись руками о край чана, затем медленно выдохнул, умылся и начал одеваться.

Стук в дверь раздался как раз в тот момент, когда он застегивал дорожный камзол.

На пороге стоял тот же монах, что встретил его ночью. Худой, молчаливый, с глубоко посаженными глазами.

- Господин де Руан, настоятель уже ожидает вас, - тихо произнес он.

Мишель молча кивнул и вышел в коридор.

При свете утра аббатство выглядело ничуть не приветливее. Узкий коридор тянулся вперед длинным каменным тоннелем. Стены были влажными, местами покрытыми темным налетом, а воздух пах сыростью, воском и старой бумагой. По обе стороны через равные промежутки горели свечи в железных держателях. Их дрожащий свет лишь усиливал мрак, заставляя тени шевелиться под сводчатым потолком.

Шаги гулко отдавались под каменными арками.

В какой-то момент Мишель заметил лестницу, уходящую вниз, в полумрак подземелий. Узкие ступени терялись где-то глубоко под аббатством, а снизу тянуло холодом так сильно, будто там находился ледяной склеп. Ему даже показалось, что из темноты донесся тихий металлический звон, словно кто-то случайно задел цепь.

Монах, заметив его взгляд, сразу ускорил шаг.

- Туда ходить запрещено, - сухо произнес он, не оборачиваясь.

Больше он ничего не добавил.

Они миновали еще несколько переходов, затем начали подниматься по широкой винтовой лестнице наверх. Здесь стены уже были суше, а вместо запаха сырости чувствовался дым от каминов и терпкий аромат каких-то трав.

Наконец монах остановился возле тяжелой дубовой двери, окованной железом, и осторожно постучал.

Изнутри послышался хриплый голос:

- Войдите.

Комната настоятеля оказалась неожиданно просторной. Высокие узкие окна пропускали тусклый северный свет, из-за чего помещение казалось серым и холодным, несмотря на большой камин, в котором потрескивали дрова. Стены были заставлены книжными шкафами, заполненными старинными фолиантами и свитками. В воздухе смешивались запахи пергамента, воска, лекарственных трав и какого-то тяжелого

настоя.

В центре комнаты стоял массивный стол, заваленный бумагами, печатями и раскрытыми книгами. Рядом на подставке горел серебряный подсвечник с тремя свечами.

За столом сидел настоятель.

Отец Бенедикт.

Мужчина лет шестидесяти, невысокий, полный, с болезненно бледным лицом, на котором проступали красноватые прожилки. Дышал он тяжело, с заметным свистом, будто каждый вдох давался ему с трудом. Толстые пальцы перебирали темные деревянные четки, не останавливаясь ни на секунду.

Его маленькие серые глаза внимательно изучали Мишеля поверх рекомендательного письма с печатью епископа.

Несколько мгновений в комнате стояла тишина, нарушаемая лишь потрескиванием огня в камине и тяжелым дыханием настоятеля. Наконец отец Бенедикт медленно сложил письмо.

- Господин Мишель де Руан... - произнес он хриплым голосом. - Епископ очень высоко оценивает ваши способности. Особенно ваш почерк... В наше время красивое письмо встречается реже, чем честность. А честность, признаться, я не встречал уже давно.

- Я высоко ценю мнение епископа... и уверен, что не разочарую вас, - тихо произнес Мишель.

Отец Бенедикт несколько секунд молча смотрел на него,

продолжая медленно перебирать четки. Затем уголки его губ едва заметно дрогнули, будто он хотел улыбнуться, но давно разучился это делать.

- Все приезжающие сюда говорят именно так, господин де Руан, - хрипло ответил настоятель и тяжело закашлялся, прикрывая рот платком. Приступ длился недолго, но после него дыхание его стало еще более свистящим. - Но Аббатство Святого Иеронима... особое место. Здесь не любят лишнего любопытства.

Он сделал ударение на последних словах и внимательно посмотрел Мишелю прямо в глаза.

- В ваши обязанности будет входить переписывание старых рукописей, ведение церковных записей и работа в архиве. Иногда вам придется заниматься личной перепиской аббатства. Работа тихая, спокойная... если человек умеет держать язык за зубами.

Мишель слегка склонил голову.

- Я прибыл сюда работать, отец Бенедикт, а не задавать вопросы.

- Прекрасно, - почти сразу ответил настоятель. - Потому что вопросы здесь обычно приводят к неприятностям.

В комнате снова повисла тишина.

За окном завыл ветер, и в этот момент где-то далеко внизу глухо ударил колокол. Отец Бенедикт едва заметно вздрогнул. Всего на мгновение. Но Мишель это заметил.

Настоятель медленно перевел взгляд в сторону окна, за-

тем крепче сжал четки.

- Странно... - пробормотал он почти шепотом. - Для утренней службы еще слишком рано.

Мишель хотел спросить о ночном колоколе и своем сне, но вовремя остановил себя. Вместо этого он спокойно произнес:

- Аббатство кажется очень старым.

- Оно старше, чем вы думаете, - ответил отец Бенедикт и резко поднялся из-за стола. - Брат Маттео покажет вам архив и скрипторий. Сегодня отдохнете после дороги, а с завтрашнего дня приступите к работе.

Настоятель уже собирался закончить разговор, когда внезапно снова посмотрел на Мишеля.

- И еще одно, господин де Руан... - голос его стал заметно тише. - Если ночью услышите колокол... не выходите из комнаты. Что бы вам ни показалось.

С этими словами отец Бенедикт отвернулся к окну, давая понять, что разговор окончен.

Мишель почтительно поклонился и вышел из комнаты настоятеля.

За дверью его уже ждал брат Маттео. Монах стоял неподвижно, спрятав руки в широких рукавах рясы, и казался частью самого аббатства - таким же серым, тихим и незаметным.

- Идемте, - произнес он. - Сейчас время утренней трапезы. Он повернулся и неспешно пошел по коридору.

Мишель последовал за ним, вновь замечая, насколько странным было это место. Даже утром в аббатстве царил полумрак. Сквозь узкие окна едва проникал бледный северный свет, а свечи продолжали гореть вдоль стен, будто здесь никогда полностью не доверяли солнцу.

Они спустились по каменной лестнице и вошли в длинное помещение с высоким сводчатым потолком.

Это была трапезная.

Тяжелые деревянные столы тянулись вдоль всего зала, а по обе стороны стояли длинные лавки, отполированные временем и сотнями рук. В воздухе пахло горячей похлебкой, свежим хлебом, дымом и сырой шерстью мокрых плащей. На стенах висели темные деревянные распятия и старые железные светильники, в которых дрожали огоньки масла.

Монахи уже собирались к трапезе. Кто-то молча рассаживался по местам, кто-то тихо переговаривался, но стоило Мишелю войти, как разговоры сразу стихли.

Он почувствовал на себе взгляды. Любопытные. Настороженные. Некоторые - откровенно недоброжелательные.

Один молодой монах даже перекрестился, быстро опустив глаза, словно появление нового писаря почему-то вызывало у него тревогу.

Брат Маттео подвел Мишеля к свободному месту в конце стола.

- Во время трапезы разговаривать не принято, - негромко произнес он. - После молитвы брат Августин будет читать

жития святых.

Словно в подтверждение его слов где-то в глубине трапезной снова глухо ударил колокол.

Мишель невольно вздрогнул.

Тот же звук.

Тот же тяжелый надтреснутый звон, который он слышал ночью во сне.

Когда все расселись по своим местам, из-за стола у стены поднялся брат Августин - худой седовласый монах с вытянутым лицом и глубоко запавшими глазами. Он раскрыл тяжелую книгу, лежавшую перед ним, и низким монотонным голосом начал читать молитву. Монахи склонили головы.

В трапезной стало так тихо, что было слышно, как потрескивает масло в светильниках и за окнами воет ветер.

Закончив молитву, брат Августин медленно перекрестился. Остальные последовали его примеру, и только после этого монахи приступили к еде.

Похлебка оказалась неожиданно вкусной - густой, горячей, с ароматом чеснока и каких-то северных трав. К ней подали темный хлеб и немного сыра. Мишель не сразу понял, насколько голоден. Лишь сделав несколько ложек, он почувствовал, как усталость дороги понемногу отступает. Возможно, еда и не была столь хороша, просто он не ел со вчерашнего утра.

Разговоров действительно никто не вел.

Лишь иногда слышался стук деревянных ложек о миски

да ровный голос брата Августина, который теперь читал жития святых. Его слова эхом расходились под высокими сводами трапезной, сливаясь с шумом ветра за стенами аббатства. Мишель украдкой наблюдал за монахами.

Большинство выглядели уставшими и молчаливыми. Некоторые избегали смотреть друг другу в глаза. Несколько раз он замечал, как кто-то нервно оборачивается в сторону двери, ведущей в глубину аббатства, будто ожидая чего-то неприятного.

Когда трапеза закончилась, брат Августин вновь прочитал молитву благодарения. Монахи поднялись почти одновременно, закрипели лавки, зашелестели рясы.

Все быстро разошлись по своим делам.

Мишель тоже поднялся, намереваясь вернуться в свою комнату, но не успел сделать и нескольких шагов, как рядом бесшумно появился брат Маттео.

- Я провожу вас, - спокойно произнес он.

- Благодарю, но я запомнил дорогу, - ответил Мишель.

На лице Маттео не дрогнул ни один мускул.

- Самостоятельно ходить по аббатству запрещено.

Мишель удивленно приподнял бровь.

- Даже днем?

- Особенно днем, - тихо ответил монах.

И впервые за все время их разговора в его голосе прозвучало что-то странное... не строгость и не раздражение.

Страх.

Глава 3.

Мишель спокойно последовал за братом Маттео обратно по коридорам аббатства, теперь уже внимательнее рассматривая все вокруг. При свете дня это место не стало менее мрачным - наоборот, серый утренний свет лишь подчеркивал старость камня и сырость стен.

Они шли молча.

Свечи по-прежнему горели вдоль коридоров, несмотря на наступившее утро. Их слабое пламя дрожало от сквозняков, гулявших под высокими сводами. Где-то сверху капала вода. Звук был редким, но настойчивым, словно само аббатство медленно таяло изнутри.

Мишель заметил еще несколько дверей, окованных железом. На некоторых висели тяжелые замки. Одна из дверей особенно привлекла его внимание - старая, почерневшая, с выцарапанным на дереве крестом. Возле нее стояла лампа, хотя коридор и без того был освещен.

Он хотел было спросить, что находится за этой дверью, но вовремя остановил себя. После разговора с настоятелем любопытство здесь явно не приветствовалось.

Наконец они подошли к его комнате.

Маттео остановился у двери и впервые за все время посмотрел на Мишеля чуть дольше обычного.

- Оставайтесь здесь до вечерней трапезы, - спокойно про-

изнес он.

На лице Мишеля мелькнуло легкое удивление, и монах сразу добавил:

- В аббатстве трапезничают дважды. Утром и вечером. Остальное время братья посвящают молитвам и насущным делам. Ваше рабочее место вам покажут завтра.

Он сделал короткую паузу.

- И еще... рекомендую не выходить из комнаты без надобности.

Последние слова прозвучали тихо, но в них снова чувствовалось то странное напряжение, которое Мишель уже замечал у монахов.

- Здесь настолько легко заблудиться? - с легкой усмешкой спросил Мишель.

Маттео не улыбнулся.

- Иногда люди находят не то, что искали.

С этими словами Маттео коротко поклонился и неспешно удалился по коридору. Его шаги еще некоторое время глухо отдавались под сводами аббатства, а затем все снова погрузилось в привычную тишину.

Мишель закрыл дверь и несколько секунд стоял неподвижно. Слова монаха не выходили у него из головы. Странное место. Слишком много запретов для обычного монастыря.

Он медленно подошел к окну.

Внутренний двор аббатства был почти пуст. Лишь

несколько монахов пересекали его быстрым шагом, опустив головы и кутаясь в рясы от холодного ветра. Над колодцем покачивалась железная цепь, тихо поскрипывая. Где-то вдалеке кричала болотная птица.

За стенами аббатства начинался лес - темный, неподвижный, словно выжидающий.

Мишель невольно вспомнил слова старого возницы, который вез его сюда. Тогда он решил, что это обычные деревенские страхи и суеверия. Но теперь, оказавшись внутри этих стен, начинал понимать - люди боялись этого места не без причины. Даже воздух здесь казался другим. Тяжелым.

Словно само аббатство хранило слишком много чужих тайн.

Он устало провел рукой по лицу, затем снял камзол и аккуратно повесил его на спинку стула. Дорога вымотала его сильнее, чем он хотел себе признать. Да и ночь с этим странным сном не дала толком отдохнуть.

Мишель сел за стол и машинально провел пальцами по его шероховатой поверхности. Его взгляд остановился на свече.

Пламя дрогнуло.

Потом еще раз. Хотя сквозняка в комнате не было.

Мишель нахмурился и уже хотел подняться, как вдруг ему показалось, будто за стеной кто-то тихо прошел. Медленно. Почти бесшумно.

Он замер, прислушиваясь. Но все снова стихло.

- Да... странное место... и слишком много тайн, - подумал

Мишель. - Но спешить не стоит. Для всего нужно время, а его у меня теперь достаточно.

Он еще немного посидел за столом, прислушиваясь к заыванию ветра за окном. Пламя свечи дрожало, вытягивалось тонкой нитью, словно реагировало на что-то невидимое. Мысли путались. Дорога, разговор с настоятелем, странное поведение монахов, ночной сон с колоколом - все это смешалось в одно тревожное ощущение.

Наконец Мишель поднялся, снял сапоги и прилег на кровать, надеясь хотя бы ненадолго уснуть. Тело требовало отдыха, но голова продолжала работать, цепляясь за каждую странность этого места.

Именно в этот момент в дверь негромко постучали.

Мишель сразу открыл глаза. Стук повторился - осторожный, почти неуверенный.

Он быстро поднялся и распахнул дверь.

На пороге стоял незнакомый монах. Высокий, худой, с болезненно бледным лицом и глубоко запавшими щеками. Капюшон его старой выцветшей рясы был надвинут так низко, что глаза почти скрывались в тени. Монах коротко поклонился и жестом предложил следовать за ним.

- Вы от настоятеля? - спросил Мишель.

Но незнакомец ничего не ответил. Лишь снова сделал приглашающий жест рукой и медленно повернулся к коридору.

Любопытство пересилило осторожность. Мишель набро-

сил камзол и пошел следом.

Почти сразу он понял, что ведут его совсем другой дорогой. Эти переходы заметно отличались от той части аббатства, которую ему уже показывали утром. Коридор был значительно уже, а каменные стены выглядели древними и неровными, словно их возводили еще задолго до появления нынешнего монастыря. Свечи здесь встречались редко, и между пятнами тусклого света лежали длинные полосы густого полумрака.

Воздух становился тяжелее с каждым шагом. Пахло сыростью, пылью и чем-то затхлым, будто сюда годами почти никто не заходил.

Мишель внимательно смотрел по сторонам. На стенах местами виднелись выцарапанные кресты - десятки, а может, и сотни. Некоторые были совсем свежими, другие почти стерлись от времени. Возле одной двери он заметил старые железные кольца, вбитые прямо в камень. Их покрывала ржавчина, но вид у них был такой, что воображение невольно начинало рисовать далеко не монастырские сцены.

Чем дальше они шли, тем сильнее Мишелю казалось, что эта часть аббатства живет какой-то собственной жизнью. Здесь даже звуки были другими. Иногда где-то в глубине слышался странный металлический скрежет, потом все снова затихало, и оставались только их шаги.

Вскоре коридор резко свернул, и впереди показалась узкая винтовая лестница, уходящая вниз. Оттуда тянуло хо-

лодом. Настолько сильным, что Мишель невольно остановился.

И именно тогда ему почудилось, будто снизу доносится тихий шепот. Не слова - скорее множество приглушенных голосов, сливающихся в едва различимый гул.

- Куда мы идем? - уже серьезнее спросил он.

Монах остановился и медленно повернул голову.

И только теперь Мишель заметил то, чего раньше не увидел в полумраке. Через всю щеку монаха тянулся старый грубый шрам, уходящий под ворот рясы. А когда тот слегка приоткрыл рот, стало ясно - языка у него не было.

Перед Мишелем открылась старая молитвенная келья. Маленькая, тесная, пропитанная холодной сыростью. Каменные стены почернели от времени, а низкий сводчатый потолок нависал так тяжело, будто сам воздух здесь был старым и уставшим. В углу горела единственная свеча. Ее слабый огонь дрожал от едва ощутимого сквозняка и бросал по стенам длинные изломанные тени.

Пахло воском, плесенью и чем-то затхлым, словно помещение редко открывали.

На стене висело старое деревянное распятие. Лик Христа почти стерся от времени, и от этого распятие выглядело особенно тревожно. Под ним стояла узкая скамья для молитв, а рядом лежало несколько пожелтевших листов.

Немой монах подошел к скамье, взял один из листов и протянул его Мишелю. Затем сложил руки в молитвенном

жесте и указал взглядом на распятие.

Мишель нехотя взял бумагу.

Сначала он просто пробежал глазами по строчкам, не понимая, что именно видит перед собой. Но уже через мгновение почувствовал, как внутри неприятно похолодело.

Это был список имен, а напротив каждого стояла дата смерти. Шесть человек.

Мишель медленно поднял глаза на монаха.

- Я должен молиться о мертвых?.. - тихо произнес он.

Немой монах спокойно кивнул.

От этого безмолвного движения стало почему-то еще тревожнее.

Монах шагнул назад, вышел из кельи и потянул за собой дверь. Почти сразу снаружи раздался тяжелый лязг замка.

Мишель резко обернулся.

- Эй... а когда ты меня выпустишь? - уже с плохо скрываемым страхом произнес он.

Но ответа не последовало.

Шаги монаха постепенно стихли где-то в глубине коридоров, и келья вновь погрузилась в густую давящую тишину.

Мишель некоторое время неподвижно стоял возле двери, пытаясь понять, что вообще происходит. Затем медленно выдохнул и вернулся к свече.

Лист в его руках слегка дрожал.

Он снова начал внимательно читать имена и даты. Одни относились к прошлому году, другие были еще старше. Судя

по всему, здесь действительно молились за умерших.

Но чем дольше Мишель вглядывался в список, тем сильнее хмурился. Что-то в нем было неправильным. Какая-то деталь не давала покоя.

И только спустя несколько мгновений он понял что именно. Две последние даты еще не наступили. Мишель почувствовал, как по спине медленно пробежал холод.

Он снова перечитал строки, надеясь, что ошибся.

Нет. Ошибки не было. Напротив двух имен стояло зав-
трашнее число.

Мишель медленно опустился на узкую деревянную скамью. Холод от камня сразу пробрался сквозь одежду, и он невольно поежился. Он еще раз посмотрел на список имен.

- Но я ведь приехал сюда писать... переписывать книги и документы... - тихо пробормотал он себе под нос. - А не молиться за мертвых... или почти мертвых...

Такого поворота он точно не ожидал.

Еще вчера ему казалось, что впереди его ждет спокойная работа при монастыре - тишина, рукописи, свечи, размеренная жизнь среди книг. Теперь же все происходящее начинало напоминать дурной сон.

Станный настоятель.

Молчаливые монахи.

Запреты.

Темные коридоры.

Немой монах без языка.

И этот список...

Мишель медленно провел рукой по лицу и тяжело выдохнул.

- Нет... — подумал он. — Сейчас главное не показать страх. Надо присмотреться к ним внимательнее. Очень внимательно. Здесь явно происходит что-то странное.

Он поднял глаза на старое распятие.

Свеча снова дрогнула, и на мгновение Мишелю показалось, будто тени на стенах шевельнулись. Он крепче сжал лист с именами. Пока у него не было ни ответов, ни возможности выбраться отсюда. А значит, оставалось только делать вид, что он принимает правила этой игры.

Мишель медленно опустился на колени и начал читать молитву.

Сначала голос звучал тихо и неуверенно. Слова эхом расходились по тесной келье и тут же растворялись в сыром камне. Но постепенно монотонное чтение немного успокоило его мысли.

Время тянулось медленно. Иногда где-то за стенами слышались приглушенные шаги или далекий скрип дверей, но сюда никто не заходил. Свеча успела прогореть почти наполовину, когда Мишель внезапно почувствовал странное ощущение.

Будто он в келье уже не один. Он замолчал, медленно поднял голову. И только тогда заметил, что рядом с распятием, в самом темном углу, словно кто-то стоит.

Глава 4.

Мишель замолчал на полуслове и медленно поднял голову.

В самом дальнем углу кельи, там, куда почти не доставал свет свечи, действительно кто-то сидел.

Несколько мгновений Мишель был уверен, что это просто игра теней. Но затем фигура едва заметно шевельнулась, и из темноты показалось худое лицо старика.

Он был настолько сухим и бледным, будто состоял из одного пергамента и костей. Седые спутанные волосы падали на плечи, а старая монашеская ряса висела мешком на исхудавшем теле. Глаза старика казались мутными, почти безумными, но при этом в них пряталось что-то слишком живое и внимательное.

Мишель резко поднялся со скамьи.

- Господи... - невольно выдохнул он. - Вы кто такой?

Старик тихо засмеялся. Смех его был странным - сухим, надтреснутым, будто человек слишком давно не разговаривал с живыми людьми.

- Кто я?.. - переспросил он и медленно потер подбородок длинными тонкими пальцами. - Когда-то меня называли братом Себастьяном... хранителем книг... летописцем Святого Иеронима... А теперь... - он усмехнулся, - теперь для них я просто старый безумец.

Последние слова он произнес с неожиданной ясностью. Настолько ясной, что у Мишеля внутри сразу что-то насто-роженно дрогнуло.

Старик внимательно посмотрел на лист в руках Мишеля.

- Дали список? - тихо спросил он. - Значит, решили про-верить тебя.

- Проверить?.. - Мишель нахмурился. - Я ничего не пони-маю. Почему здесь даты людей, которые еще живы?

Брат Себастьян снова тихо засмеялся и покачал головой.

- Потому что в этом аббатстве смерть иногда приходит раньше самой смерти.

Свеча дрогнула сильнее, и тени на стенах будто качнулись вместе с пламенем. Старик медленно поднялся. Двигался он тяжело, но глаза его при этом оставались цепкими и слиш-ком осмысленными для безумца.

- Слушай меня внимательно, писарь, - уже почти шепотом произнес он. - Здесь нельзя верить никому. Ни монахам... ни настоятелю... ни даже колоколу.

Он сделал паузу и вдруг очень внимательно посмотрел Мишелю прямо в глаза.

- Особенно если ночью услышишь три удара подряд. Тогда дверь не открывай... что бы не происходило.

- Это что... шутка такая?.. - настороженно спросил Ми-шель, не сводя взгляда со старика.

Брат Себастьян медленно покачал головой.

- Нет. И, поверь мне, лучше бы это действительно было

шуткой.

Он подошел ближе к свече, и теперь Мишель смог рассмотреть его лучше. Старик выглядел измученным, почти прозрачным от худобы, но глаза... глаза у него были слишком ясными для безумца. В них пряталась усталость человека, который знает гораздо больше, чем должен.

- Здесь происходят странные дела, господин де Руан, - тихо продолжил он. - И хранятся очень темные тайны. Такие, о которых нельзя знать никому за стенами этого аббатства.

Последние слова он произнес почти шепотом, словно даже камни могли подслушивать.

Старик тяжело опустился на скамью возле стены и невесело усмехнулся.

- А я... - он развел руками, - доживаю здесь свой век в роли безумца. Иногда меня выпускают во двор подышать воздухом, чтобы братья окончательно не забыли, как выглядит старый Себастьян.

Мишель некоторое время молчал, внимательно разглядывая его. Странное чувство не покидало его. Чем дольше он слушал старика, тем меньше верил в его безумие. Скорее наоборот.

Себастьян казался единственным человеком в этом аббатстве, который говорил искренне.

- А вы... - неожиданно даже для самого себя спросил Мишель, - вы здесь хоть едите что-нибудь?

Старик вдруг тихо засмеялся. Смех снова получился су-

хим и хриплым, но в этот раз в нем даже мелькнуло что-то человеческое.

- Да, не беспокойтесь, помереть с голоду мне пока не дают. Еду сюда приносит немой монах.

При упоминании монаха без языка выражение лица Себастьяна слегка изменилось.

- Только с ним я еще могу разговаривать, - уже тише добавил он. - Потому что он тоже знает, что такое страх.

Свеча коротко затрещала, и на мгновение в келье стало еще темнее. Старик внимательно посмотрел на дверь, будто проверяя, не подслушивает ли кто-нибудь снаружи, затем снова перевел взгляд на Мишеля.

- Запомни одну вещь, Мишель... - медленно произнес он. - В этом аббатстве опаснее всего не мертвые.

Он сделал паузу.

- А живые.

- И что... никому доверять нельзя? - тихо спросил Мишель, внимательно глядя на старика.

Несмотря на изможденный вид и хриплый смех, брат Себастьян вовсе не производил впечатления безумца. Наоборот, в нем чувствовалась какая-то опасная ясность ума - та, которая появляется у людей, слишком долго живущих рядом со страхом.

Старик некоторое время молчал. Он сидел неподвижно, вытянув вперед худые руки с длинными пальцами, и задумчиво смотрел на дрожащее пламя свечи. Тени скользили по

его осунувшемуся лицу, делая его похожим то на монаха, то на высохшего призрака, запертого в этих каменных стенах много лет назад.

Наконец Себастьян тяжело вздохнул и поднял глаза на Мишеля.

- Есть люди, которым ты можешь довериться, - медленно произнес он. - Я... и немой монах. Больше здесь никому не открывай душу. Особенно настоятелю и тем, кто слишком часто говорит о смирении. В этом аббатстве самые опасные люди прячутся именно за молитвами.

Мишель невольно нахмурился. Все происходящее становилось страннее с каждой минутой. Еще вчера он ехал сюда с уверенностью, что его ждет тихая жизнь среди книг и рукописей, а теперь сидел в запертой келье рядом с полубезумным стариком, который говорил загадками и намекал на тайны монастыря.

Он внимательно посмотрел на список имен, лежавший у него на коленях, затем снова перевел взгляд на Себастьяна.

- Значит, это ты прислал ко мне немого монаха? - спросил он уже спокойнее.

Старик едва заметно улыбнулся.

- Да. Он единственный, кто еще осмеливается помогать мне.

- Тогда зачем все это? - Мишель слегка раздраженно поднял лист. - Зачем было запираить меня здесь, давать этот список, заставляя думать неведь что? Почему сразу не пого-

ворить со мной?

Себастьян тихо усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья.

- Потому что здесь нельзя просто взять и начать разговор, господин де Руан. В Аббатстве Святого Иеронима даже стены умеют слушать. А люди... люди здесь давно разучились говорить. Говорят только тогда, когда нужно.

Он медленно забрал у Мишеля лист и провел пальцем по именам.

- Ты должен был увидеть все сам. Испугаться. Начать думать. Иначе я бы никогда не понял, можно ли тебе доверять. В этих стенах слишком многие умеют красиво говорить и слишком быстро предавать.

Мишель хотел возразить, но в этот момент где-то далеко за стенами снова раздался звук колокола. Глухой, тяжелый, словно удар пришелся не по бронзе, а прямо по камню.

Себастьян мгновенно замолчал.

Лицо его изменилось так резко, что Мишель невольно напрягся. Старик поднял голову и прислушался, а его пальцы медленно сжались в кулак.

- Слышишь? - почти шепотом произнес он.

Мишель кивнул.

Колокол ударил еще раз, уже тише, будто звук шел откуда-то глубоко снизу, из-под самого аббатства.

Старик прикрыл глаза.

- Плохо... очень плохо... - пробормотал он. - Значит, они

снова открывали нижние коридоры.

Мишель почувствовал, как по спине медленно пробежал холод.

- Что находится внизу? - осторожно спросил он.

Но Себастьян ответил не сразу. Некоторое время он молча смотрел в темноту за спиной Мишеля, словно видел там что-то такое, о чем не хотел даже вспоминать. Затем старик медленно поднялся со скамьи и подошел ближе к свече. Огонек осветил его лицо, и Мишель вдруг заметил, насколько тот на самом деле устал. Это была не усталость старости - так выглядят люди, которые слишком долго носят внутри тяжелую тайну.

- Когда-то, много лет назад, - тихо начал Себастьян, - это аббатство строили как место молитвы и уединения. Но под ним уже существовали старые подземелья. Еще более древние, чем сам монастырь. Никто точно не знает, кто их вырубил в камне и зачем. Сначала монахи использовали их как хранилища, потом как темницы, а позже... позже там начали происходить вещи, о которых церковь предпочла забыть.

Он замолчал и вдруг очень внимательно посмотрел на Мишеля.

- И если хочешь выжить здесь, научись одному - никогда не спускайся вниз. Даже если услышишь голоса. Даже если тебе покажется, что кто-то зовет.

Себастьян еще некоторое время молча стоял возле свечи, словно прислушиваясь к чему-то известному только ему од-

ному. Затем неожиданно оживился, подошел к двери и тихонько постучал костяшками пальцев по дереву.

Почти сразу снаружи послышался скрип затвора. Дверь медленно открылась. На пороге, как и ожидал Мишель, стоял немой монах.

В полумраке коридора его худое лицо казалось еще бледнее, а глубокий шрам на щеке уходил под ворот рясы, словно темная трещина.

Себастьян внимательно посмотрел на него и негромко произнес:

- Проводи его обратно в комнату. И проследи, чтобы до вечерней трапезы его никто не беспокоил... особенно настоятель.

Последние слова старик сказал с заметным напряжением.

Мишель удивленно приподнял брови, но вопросов задавать не стал. Их и без того накопилось слишком много. Голова уже гудела от услышанного, а мысли путались между страхом, любопытством и растущим ощущением опасности.

Немой монах коротко кивнул.

Мишель попрощался с Себастьяном легким поклоном и вышел из кельи вслед за своим молчаливым проводником. Дверь за ними снова закрылась, и тяжелый звук засова почему-то прозвучал так, будто старика вновь заперли в клетке.

Обратный путь показался Мишелю еще более мрачным. Теперь, после рассказа Себастьяна, он смотрел на коридоры аббатства совсем иначе. Узкие проходы, влажные стены,

редкие свечи и бесконечные тени больше не казались просто частью старого монастыря. Во всем этом чувствовалось что-то скрытое, настороженное, словно само аббатство следило за каждым, кто находился внутри его стен.

Они снова проходили мимо дверей с железными замками, мимо выцарапанных на камне крестов и темных ниш, в которых взгляд невольно пытался различить человеческие силуэты. Где-то далеко капала вода. Этот звук теперь раздражал Мишеля почти так же сильно, как колокол.

Он шел молча, украдкой наблюдая за немим монахом.

Тот двигался быстро и совершенно бесшумно, будто давно научился растворяться среди этих стен. И чем больше Мишель смотрел на него, тем сильнее понимал - язык ему отрезали не случайно. В этом аббатстве слишком многое решалось молчанием.

Когда они наконец поднялись в жилую часть монастыря, воздух показался чуть теплее. Здесь хотя бы горело больше свечей, а запах сырости сменялся привычным запахом воска и старого дерева.

Возле комнаты Мишеля монах остановился.

Несколько секунд он внимательно смотрел на писаря, будто хотел что-то сказать. Затем медленно поднял руку и неожиданно коснулся двумя пальцами своего шрама.

После этого он покачал головой.

Жест был коротким, но Мишель понял его сразу: "Не говори лишнего".

Немой осторожно открыл дверь комнаты, пропуская Мишеля внутрь, и только после этого бесшумно удалился обратно в коридор.

Оставшись один, Мишель медленно опустился на кровать и закрыл лицо руками. Аббатство Святого Иеронима переставало быть просто странным местом.

Оно начинало пугать его по-настоящему.

Глава 5.

До вечерней трапезы оставался примерно час. В аббатстве время определяли не песочными часами и не солнцем - его здесь почти не было видно за вечным туманом и тяжелыми северными тучами. Время определял колокол. Каждый удар означал начало новой молитвы, работы или трапезы. И чем дольше Мишель находился в этих стенах, тем сильнее ему казалось, что колокол здесь управляет не только распорядком дня, но и самими людьми.

Он сидел за столом в своей келье, подперев голову рукой, и чувствовал, как усталость постепенно берет верх. Глаза закрывались сами собой, мысли путались, а тело после дороги и всех событий этого дня ныло так, будто он провел в пути не несколько дней, а несколько недель.

На мгновение Мишель даже подумал отказаться от вечерней трапезы. Мысль лечь прямо сейчас и проспать до самого утра казалась почти спасительной. Но тут же отбросил ее.

Нет.

Слишком рано показывать слабость или странности. После всего услышанного от Себастьяна он уже понимал - в этом аббатстве внимательно наблюдают за каждым шагом. Любое отклонение от правил здесь наверняка замечают. Он тяжело выдохнул и продолжил ждать.

За окном постепенно темнело. Ветер усиливался, временами ударяя в узкое окно так, что дрожало пламя свечи. Где-то далеко снова глухо прозвучал колокол. Его низкий звук прокатился по монастырю и словно растворился в каменных стенах.

Спустя некоторое время в дверь негромко постучали. На пороге стоял брат Маттео. Как всегда спокойный, молчаливый и собранный.

- Время вечерней трапезы, господин де Руан, - тихо произнес он.

Мишель с трудом поднялся с лежанки. Ноги неприятно гудели от усталости, а голова казалась тяжелой. Но он все же привел себя в порядок и последовал за монахом.

По пути они почти не разговаривали.

Коридоры аббатства к вечеру выглядели еще мрачнее. Тени от свечей стали длиннее, а лица встречавшихся монахов - еще более усталыми и замкнутыми. Никто не смотрел друг другу в глаза. Никто не улыбался.

Трапезная встретила их той же тяжелой тишиной.

Монахи молча занимали свои места за длинными стола-

ми. Брат Августин вновь читал молитву своим низким монотонным голосом, а пламя светильников покачивалось под сводами, отбрасывая по стенам дрожащие тени.

На ужин подали все ту же густую похлебку и черный хлеб.

Мишель ел медленно, почти машинально. Усталость уже была такой сильной, что он с трудом понимал слова молитв и чтений. Несколько раз ему казалось, будто кто-то внимательно наблюдает за ним из другого конца трапезной, но, поднимая глаза, он видел лишь неподвижные лица монахов.

После окончания трапезы братья снова прочитали молитву благодарения. Затем все так же молча поднялись и начали расходиться по своим кельям.

Мишель шел за Маттео по длинному коридору, едва удерживаясь от желания остановиться прямо посреди прохода и просто лечь на холодный каменный пол.

Когда они наконец добрались до комнаты, Маттео коротко поклонился и ушел, оставив его одного.

Мишель даже не стал раздеваться. Он буквально рухнул на лежанку и почти мгновенно провалился в глубокий тяжелый сон.

Настолько крепкий, что не слышал больше ничего.

Ни шагов за стенами.

Ни ветра.

Ни даже колокола, который этой ночью звонил особенно долго.

Мишель открыл глаза и несколько секунд неподвижно

смотрел в темный потолок кельи, пытаясь понять, что именно его разбудило. За узким окном еще стояла ночь. Лишь бледная полоска сероватого света едва заметно проступала над лесом, обещая скорый рассвет.

В комнате было холодно. Он поежился и подтянул к себе грубое шерстяное покрывало, надеясь снова уснуть, но сон уже ушел окончательно. Вместо него в голове сразу начали роиться мысли - тяжелые, тревожные, не дающие покоя. Слишком многое произошло за один день.

Мишель лежал неподвижно, глядя в темноту, и снова вспоминал слова Себастьяна. Старик говорил как человек, который давно живет рядом со страхом и привык ждать беды каждую ночь. Но можно ли ему верить? Можно ли вообще доверять хоть кому-то в этом аббатстве?

И немой монах...

Мишель вдруг понял, что даже имени его не знает.

Странно. За все это время никто ни разу не назвал его по имени, словно его здесь давно перестали считать человеком. Только немой монах - и ничего больше.

Он тяжело вздохнул. Как можно довериться людям, которых видишь впервые в жизни? Полубезумному старику, спрятанному в сырой келье, и человеку без языка, который бесшумно появляется и исчезает среди темных коридоров монастыря. И почему они так быстро решили довериться ему самому?

Вопросов становилось все больше, а ответов по-прежнему

не было.

Так Мишель и лежал, прислушиваясь к завыванию ветра за стенами аббатства, пока в дверь наконец не постучали.

Стук был спокойным и размеренным. Мишель поднялся, поправил камзол и открыл дверь.

На пороге стоял брат Маттео. Как всегда спокойный, аккуратный и непроницаемый.

- Доброе утро, господин де Руан, - тихо произнес он. - Отец Бенедикт ждет вас после утренней трапезы у себя. Он объяснит вам вашу работу. А сейчас прошу следовать в трапезную.

Мишель молча кивнул.

Он быстро умылся ледяной водой из чана, окончательно прогоняя остатки сна. Одеваться не пришлось - вчера вечером он рухнул на лежанку прямо в одежде и уснул очень так крепко.

Коридоры аббатства в этот ранний час выглядели особенно пустыми и холодными. Свечи еще догорали в нишах, а серый рассвет медленно проникал сквозь узкие окна, делая каменные стены похожими на влажный старый склеп. Изредка навстречу попадались монахи. Они молча проходили мимо, опустив головы и пряча руки в широких рукавах ряс.

Трапеза прошла так же, как и накануне.

Тишина.

Молитва.

Запах похлебки и свежего хлеба.

Низкий голос читающего Писание монаха.

Мишель ел медленно, больше наблюдая за окружающими, чем за едой. Теперь ему уже не казалось, что перед ним просто уставшие монахи, живущие строгой жизнью. В каждом взгляде, в каждом движении чувствовалась какая-то скрытая напряженность, словно все здесь привыкли жить рядом с опасностью и давно научились делать вид, будто ничего не происходит.

После окончания трапезы Маттео вновь проводил его к настоятелю.

Отец Бенедикт сидел возле стола, укрыв плечи теплой накидкой, несмотря на горящий в камине огонь. При дневном свете он выглядел еще хуже, чем вчера. Лицо настоятеля имело болезненный сероватый оттенок, дыхание было тяжелым, а сухой кашель то и дело прерывал его движения.

Когда Мишель вошел, Бенедикт поднял на него усталый взгляд и некоторое время молча рассматривал, будто пытался прочесть его мысли.

- Доброе утро, господин де Руан, - наконец произнес он хрипловатым голосом. - Надеюсь, вы хорошо отдохнули.

- Доброе утро, отец Бенедикт. Благодарю вас, все хорошо. Я готов приступить к работе, - спокойно ответил Мишель.

Настоятель медленно кивнул и снова закашлялся, прикрывая рот платком.

- Вот и хорошо... Работы у нас много. Очень много. Брат Маттео проводит вас в библиотеку и покажет, чем вы будете

заниматься.

При слове "библиотека" Мишель невольно почувствовал облегчение. После всех странностей последних суток мысль о книгах, рукописях и привычной работе казалась почти спасением.

Хотя где-то глубоко внутри он уже понимал - в этом аббатстве даже библиотека вряд ли окажется обычной.

Мишель почтительно поклонился отцу Бенедикту и вышел в коридор, где его уже ждал брат Маттео.

Монах молча кивнул и жестом предложил следовать за ним. На этот раз они пошли другой дорогой.

Почти сразу Мишель заметил разницу. Коридоры здесь выглядели гораздо светлее и просторнее. Каменные стены были чище, а в узкие окна уже проникал холодный утренний свет. Вместо сырости и затхлого воздуха нижних переходов здесь пахло воском, старой бумагой и древесиной.

Лестница, по которой они поднимались, вела высоко вверх.

Шаги глухо отдавались под сводами, а где-то над головой время от времени слышалось хлопанье крыльев. Похоже, под самой крышей жили птицы.

Мишель шел молча.

Вопросов в его голове накопилось уже столько, что он сам не знал, с какого начинать. Но после разговора с Себастьяном решил пока наблюдать и слушать больше, чем говорить.

Маттео тоже не стремился к беседе.

Лишь однажды, когда они проходили мимо высокого узкого окна, монах неожиданно замедлил шаг и тихо произнес:
- Библиотека - самое спокойное место в аббатстве.

После этих слов он сразу пошел дальше, будто и не говорил ничего.

Мишель невольно нахмурился. - "Самое спокойное..."
Значит, остальные места были куда менее спокойными.

Наконец они поднялись еще по одной лестнице и остановились перед массивной дубовой дверью, окованной темным железом. В отличие от остальных дверей в аббатстве, эта выглядела ухоженной и крепкой. Над ней висела старая выцветшая табличка с изображением раскрытой книги и латинской надписью, почти стертой временем.

Маттео достал из складок рясы тяжелый ключ. Замок открылся с глубоким глухим щелчком. И в тот же миг Мишель почувствовал знакомый запах старых книг, пергамента и чернил.

Впервые с момента приезда в аббатство он ощутил не тревогу, а почти настоящее облегчение.

Глава 6.

Они вошли в библиотеку, и Мишель невольно замер на пороге.

Помещение оказалось огромным.

Высокие сводчатые потолки терялись где-то в полумраке,

а вдоль стен поднимались массивные деревянные стеллажи, доверху заполненные книгами, свитками и тяжелыми папками с документами. Узкие окна под самой крышей пропускали холодный северный свет, который ложился на старые переплеты бледными серыми полосами. В воздухе стоял густой запах пыли, пергамента, воска и чернил - запах, который Мишель всегда любил.

Несмотря на мрачность аббатства, библиотека производила совсем другое впечатление. Здесь было тихо. Нет той тревожной тишиной, что царила в коридорах и кельях, а спокойной, глубокой тишиной места, где веками хранились чужие мысли, тайны и знания.

В дальнем конце зала стояли длинные столы для переписчиков. На некоторых еще лежали перья, баночки с засохшими чернилами и тяжелые подсвечники. Казалось, будто люди просто однажды встали и ушли, так и не закончив работу.

Но сильнее всего внимание Мишеля привлек большой дубовый стол посреди библиотеки. Он был буквально завален бумагами.

Старые книги лежали вперемешку со свитками, письмами и потрепанными рукописями. Некоторые страницы уже пожелтели настолько, что казались ломкими, как осенние листья. Повсюду лежала толстая пыль, а несколько книг и во все были раскрыты так, будто кто-то совсем недавно искал в них нужные записи.

Маттео подошел к столу и спокойно произнес:

- Вот это нужно разобрать. Распределить по полкам, проверить состояние книг и, если потребуется, переписать поврежденные тексты. Если возникнут вопросы - обращайтесь ко мне.

Он сделал короткую паузу.

- До вечерней трапезы библиотека полностью в вашем распоряжении.

С этими словами монах слегка поклонился и бесшумно удалился, оставив Мишеля одного.

Некоторое время тот просто стоял посреди зала, медленно оглядываясь по сторонам. Затем подошел к столу и осторожно провел пальцем по толстому слою пыли.

- Да уж... - тихо пробормотал он себе под нос. - Работы здесь действительно хватает. Похоже, в этой библиотеке давно никто толком не прибирался.

Он взял одну из книг. Тяжелый переплет тихо скрипнул.

На обложке почти стерлись буквы, но Мишель все же смог разобрать название на латыни. Это была хроника монастыря, написанная около пятидесяти лет назад.

Он машинально перелистнул несколько страниц и нахмурился. Некоторые листы были аккуратно вырваны. Причем не случайно - кто-то сделал это очень осторожно, стараясь не повредить переплет.

Мишель задумчиво провел рукой по пустому месту между страницами.

- Интересно... - пробормотал он.

Он уже собирался отложить книгу в сторону, как вдруг из нее что-то выпало. Небольшой сложенный лист бумаги медленно опустился прямо к его ногам.

Мишель медленно наклонился и поднял с пола сложенный лист бумаги. На ощупь тот оказался удивительно тонким и старым. Края пожелтели и стерлись так сильно, будто записку много раз прятали, разворачивали и снова скрывали от чужих глаз.

Некоторое время он просто держал находку в руках, затем осторожно развернул лист.

Внутри было всего несколько строк, написанных быстрым неровным почерком: "Не верь тем, кто носит ключи от нижних дверей." Ниже стояла лишь одна буква. "S".

Мишель нахмурился.

Себастьян.

Значит, старик заранее знал, что он окажется именно здесь. Более того - словно специально оставил для него это предупреждение среди книг.

От этой мысли внутри стало тревожно.

Он медленно поднял голову и внимательно оглядел библиотеку. Огромный зал оставался неподвижным и тихим. Высокие стеллажи уходили в полумрак, старые переплеты тускло поблескивали в свете узких окон, а где-то под потолком едва слышно потрескивали деревянные балки.

Никого. Только тишина. Но теперь эта тишина уже не казалась спокойной.

Мишель снова посмотрел на записку. Любопытство постепенно начинало побеждать осторожность. Он машинально перевернул лист и уже хотел сложить его обратно, как вдруг заметил на обратной стороне какие-то едва различимые линии.

Сначала ему показалось, что это просто следы времени или пятна от влаги. Но, подойдя ближе к окну, он понял - линии слишком ровные.

Это был рисунок. Очень бледный, почти стертый.

Мишелю пришлось долго всматриваться в бумагу, поворачивать ее под разным углом к свету, прежде чем изображение начало постепенно проступать яснее. Кто-то нанес его выцветшими чернилами или слабым углем, словно специально стараясь сделать незаметным для случайного взгляда.

Перед ним был план. Точнее - только часть плана.

Неровные коридоры, несколько небольших помещений и узкие проходы, уходящие куда-то вниз. Некоторые линии обрывались, часть рисунка вообще невозможно было разоб-
брать, но в одном месте кто-то поставил маленький крест, обведенный тонким кругом.

Мишель почувствовал, как по спине медленно пробежал холод.

Он сразу вспомнил слова Себастьяна о нижних коридорах под аббатством. Значит, старик говорил правду. Под монастырем действительно существовало что-то скрытое. Что-то настолько важное или опасное, что даже старый летописец

прятал планы среди книг.

Несколько секунд Мишель неподвижно стоял возле окна, всматриваясь в рисунок. В голове роились мысли. Кто построил эти подземелья? Что в них находится? И почему монахи так тщательно скрывают все, что связано с ними?

За окном медленно усиливался ветер. Где-то далеко закричала птица, а затем по всему аббатству внезапно прокатился тяжелый удар колокола.

Мишель невольно вздрогнул.

Звук был низким, густым и каким-то тревожным. Он не просто разносился по монастырю - казалось, колокол проходил сквозь стены, пол и даже человеческое тело.

Теперь этот звон уже не казался ему обычным монастырским сигналом. После слов Себастьяна в каждом ударе чудилось что-то зловещее.

Мишель медленно сложил записку и спрятал ее под одежду, ближе к груди. Затем снова подошел к большому столу и попытался сосредоточиться на работе.

Он осторожно перебирал книги, раскладывал рукописи, стряхивал пыль с переплетов, но мысли постоянно возвращались к найденному плану.

Чем дольше он находился в библиотеке, тем сильнее замечал странности.

Некоторые книги явно кто-то недавно просматривал. На нескольких страницах оставались свежие следы пальцев в пыли. В отдельных хрониках были аккуратно вырезаны це-

лые листы. Причем не вырваны в спешке, а именно осторожно удалены - так, чтобы на первый взгляд пропажа не бросалась в глаза.

Это особенно настораживало.

Кто-то целенаправленно убирал определенные записи.

Мишель подошел к одному из дальних стеллажей и провел рукой по корешкам книг. Многие из них были посвящены богословию, монастырским хроникам и церковным законам, но иногда среди них попадались совсем странные труды - старые медицинские записи, описания болезней, трактаты о травах и даже несколько книг на латыни, названия которых он прежде никогда не встречал.

Одна из книг особенно привлекла его внимание.

Она лежала отдельно, почти спрятанная за другими томами, словно кто-то специально задвинул ее подальше. Переплет был темным, без названия, а металлические уголки покрылись зеленоватым налетом времени.

Мишель осторожно потянул книгу на себя.

И в тот же момент ему вдруг показалось, будто где-то в глубине библиотеки кто-то тихо прошел между стеллажами.

Мишель замер, напряженно прислушиваясь. Несколько секунд в библиотеке стояла абсолютная тишина. Лишь где-то под самым потолком тихо потрескивали старые балки да ветер временами ударял в узкие окна. Он медленно обошел стеллажи, вглядываясь в темные проходы между полками, но никого не увидел. Высокие шкафы с книгами неподвижно

уходили в полумрак, и только пыль медленно кружилась в полосах холодного света.

- Почудилось... - тихо пробормотал Мишель, хотя неприятное чувство чужого присутствия так и не исчезло окончательно.

Он вернулся к столу и снова занялся разбором книг. Работа постепенно увлекла его. Одни рукописи он осторожно складывал отдельно, другие переносил к полкам, некоторые приходилось раскрывать прямо на месте, проверяя состояние страниц. Время текло незаметно. За окнами медленно темнело, а библиотека словно еще глубже уходила в свою привычную древнюю тишину. Иногда Мишелю казалось, будто само аббатство наверху давно исчезло и в мире остались только книги, запах пергамента и редкие удары колокола, доносившиеся сквозь толстые стены.

Когда дверь библиотеки наконец открылась и на пороге появился Маттео, Мишель даже не сразу понял, сколько времени прошло.

- Пора на вечернюю трапезу, - спокойно произнес монах.

Мишель устало потер глаза и поднялся из-за стола. Спина неприятно ныла от долгого сидения, а пальцы были испачканы пылью и чернилами. Они молча спустились вниз. Вечернее аббатство казалось еще более мрачным, чем днем. Свечи вдоль стен горели тускло, тени становились длиннее, а лица монахов - еще более усталыми и замкнутыми.

В трапезной все повторилось почти так же, как и прежде:

молитва, густая похлебка, черный хлеб и полное молчание. Однообразие этой жизни уже начинало давить даже на Мишеля, привыкшего к спокойствию и уединению. Здесь же тишина казалась не мирной, а тяжелой, словно каждый из сидящих за столом думал о чем-то таком, о чем нельзя говорить вслух.

После трапезы монахи начали расходиться по своим кельям. Маттео проводил Мишеля до комнаты и, коротко поклонившись, ушел. Оставшись один, Мишель тяжело опустился на лежанку. Он настолько устал за день, что даже не стал зажигать свечу. Комнату постепенно заполняла темнота, за окном тихо выл ветер, а мысли еще некоторое время кружились вокруг найденной записки, старика Себастьяна и странного плана подземелий. Однако усталость быстро взяла верх. Мишель закрыл глаза и почти сразу провалился в сон.

И снова ему приснился тот же старик в лохмотьях.

Во сне старик снова стоял возле колокола. Туман клубился вокруг него густыми серыми волнами, скрывая землю и стены, будто самого мира больше не существовало. Был только этот старый звонарь в рваных лохмотьях, тяжелый колокол над головой и вязкий, давящий звон, от которого дрожал воздух. На этот раз старик не двигался. Он просто смотрел на Мишеля. Лица его по-прежнему нельзя было разглядеть - грязные тряпки скрывали почти все, оставляя лишь темные провалы глаз, в которых будто шевелилась сама ночь.

- Они все еще здесь... - хрипло произнес старик.

Голос его прозвучал странно, словно шел не только от него самого, но и откуда-то из-под земли.

Колокол медленно качнулся.

- Все еще ждут...

Туман вокруг начал сгущаться. И тогда Мишель заметил, что старик больше не один. За его спиной постепенно проступали силуэты. Неподвижные, темные, едва различимые. Их было много, они стояли молча, не приближаясь, но от этого становилось еще страшнее. Казалось, все они смотрят прямо на него.

Мишель попытался сделать шаг назад, но не смог пошевелиться. Ноги словно приросли к земле, а холод медленно поднимался по телу, сковывая грудь и дыхание.

- Они ждут тебя... - почти шепотом произнес звонарь и медленно протянул к нему руку.

В этот момент колокол ударил с такой силой, что туман вокруг будто разорвался. Мишель резко проснулся.

Некоторое время он лежал неподвижно, тяжело дыша и не понимая, где находится. Сердце колотилось так сильно, словно пыталось вырваться из груди, а по вискам стекал холодный пот. Комната вокруг тонула в темноте, и только слабый предрассветный свет едва проникал через узкое окно.

Постепенно сознание возвращалось. Каменные стены. Лужанка. Холодный воздух. Аббатство Святого Иеронима.

Но легче от этого не стало.

Мишель медленно сел, провел рукой по лицу и попытал-

ся успокоиться. Сон казался слишком настоящим. Настоялько настоящим, что ему все еще чудился запах сырого тумана и слышался тяжелый гул колокола.

- Что вам всем от меня нужно?.. - тихо пробормотал он в пустоту.

И словно в ответ где-то далеко, в глубине аббатства, глухо ударил колокол.

Глава 7.

Поздним вечером, когда за окнами библиотеки уже вовсю бушевала зимняя метель, а снег с шорохом бился о узкие стекла, Мишель вновь достал спрятанный листок и осторожно разложил его на столе рядом со свечой. Пламя дрожало от сквозняка, временами выхватывая из полумрака то бледные линии старого плана, то пожелтевшие складки бумаги. За последние недели он изучал этот рисунок десятки раз, едва ли не каждую ночь, но только теперь вдруг почувствовал странное беспокойство, словно до него наконец начала доходить какая-то важная мысль, все это время скрывавшаяся совсем рядом.

Он медленно провел пальцами по краю листа и нахмурился. Бумага была слишком старой. Теперь это ощущалось особенно ясно. За годы работы с рукописями Мишель научился почти безошибочно определять возраст пергамента, качество чернил и даже приблизительное время создания доку-

ментов. Этот лист появился не десять и даже не двадцать лет назад. Ему было значительно больше.

Мишель откинулся на спинку стула и задумчиво посмотрел на дрожащее пламя свечи.

Если Себастьян действительно был библиотекарем и летописцем аббатства сравнительно недавно, то сам план явно принадлежал другому времени. Значит, старик его не создавал. Он лишь хранил его... или прятал.

Эта мысль неожиданно взволновала Мишеля сильнее прежнего.

Выходит, тайна подземелий существовала задолго до появления самого Себастьяна. Возможно, ее знали еще прежние монахи. Возможно, кто-то веками передавал этот лист из рук в руки, пока он наконец не оказался спрятан среди книг библиотеки.

Мишель вновь наклонился над рисунком, стараясь различить почти исчезнувшие линии. При свете свечи план выглядел еще более странным. Некоторые ходы словно обрывались прямо в стенах, часть помещений вообще невозможно было разобрать, а крест в нижнем углу теперь почему-то казался темнее остальных отметок, будто его обводили несколько раз.

- Это становится уже слишком интересно... - едва слышно пробормотал он.

За окном особенно сильно завывал ветер. Старая рама тихо скрипнула, и Мишель невольно поднял голову. Огромная

библиотека вокруг него тонула в полумраке. Высокие стеллажи уходили вверх черными теньями, а между рядами книг лежала неподвижная тишина, от которой временами становилось не по себе.

Но теперь он смотрел на библиотеку совсем иначе.

Раньше это место казалось ему просто старым монастырским хранилищем рукописей. Теперь же он все больше убеждался, что именно здесь спрятаны ответы. Среди этих хроник, пыльных свитков и переплетов, к которым десятилетиями никто не прикасался, наверняка скрывались упоминания о нижних коридорах, о странных событиях или о людях, пытавшихся узнать слишком много.

Кто-то ведь нарисовал этот план.

Кто-то оставил предупреждение.

И кто-то потом очень старательно вырывал страницы из старых хроник.

Мишель медленно поднялся из-за стола и подошел к дальним полкам. Его пальцы скользили по пыльным корешкам книг, задерживаясь на особенно старых переплетах. Теперь он уже не просто разбирал библиотеку по поручению настоятеля. Он искал.

И чем дольше он находился в этом аббатстве, тем сильнее ему казалось, что само оно тоже наблюдает за ним.

Где-то далеко вновь глухо ударил колокол.

Мишель замер.

В последнее время этот звук начал тревожить его особен-

но сильно. Колокол звонил слишком часто. Иногда среди ночи, иногда перед рассветом, а порой и вовсе без видимой причины. И каждый раз после его ударов аббатство будто становилось еще тише.

Каждый день теперь проходил для Мишеля почти одинаково. С утра до позднего вечера он сидел в библиотеке среди пыли, старых переплетов и бесконечных рукописей, все глубже погружаясь в историю аббатства. Он перечитывал монастырские хроники, разбирал письма прежних настоятелей, просматривал пожелтевшие записи летописцев, но пока не находил ничего, что могло бы хоть как-то объяснить существование подземелий или странного плана.

Иногда ему попадались намеки, но слишком короткие, осторожные.

В одной старой хронике мельком упоминалось о "нижних помещениях для особых нужд братства", но следующая страница оказалась вырвана. В другом письме прежний настоятель писал о каком-то "долге перед теми, кто остается внизу", однако письмо обрывалось на полуслове. А однажды Мишель и вовсе нашел книгу, в которой несколько страниц были не просто удалены, а аккуратно выскоблены ножом, будто кто-то боялся оставить даже следы написанного.

Все это лишь усиливало его тревогу.

Теперь он уже не сомневался - в аббатстве действительно что-то скрывали. Причем скрывали давно. Возможно, не одно поколение монахов.

И сильнее всего его мучило исчезновение Себастьяна. Старик словно провалился сквозь землю.

После той встречи в сырой молитвенной келье Мишель больше ни разу его не видел. Порой ему даже начинало казаться, что разговора со старым летописцем вовсе не было, что все это ему приснилось после бессонных ночей и тяжелого колокольного звона. Но стоило достать спрятанный листок с планом, как сомнения исчезали.

Нет.

Себастьян был реален. И именно он втянул его во все это.

Мишель все чаще ловил себя на мысли, что старик мог бы дать ответы хотя бы на часть вопросов. Рассказать, кто создал план, что находится под аббатством и почему монахи так боятся нижних коридоров. Но Себастьян исчез, оставив после себя лишь тревожные предупреждения и ощущение надвигающейся опасности.

Даже немой монах больше не появлялся рядом.

Иногда Мишель замечал его во дворе среди падающего снега - темную фигуру в длинной рясе, медленно проходящую через двор, - но стоило попытаться приблизиться, как тот исчезал за стенами аббатства.

Все происходящее начинало напоминать странный сон.

И чем дольше Мишель жил в монастыре, тем сильнее ему казалось, что Аббатство Святого Иеронима постепенно меняет его самого. Он стал хуже спать, начал вздрагивать от неожиданных звуков и все чаще прислушивался к ночной

тишине, ожидая услышать колокол.

Колокол звонил почти каждую ночь.

Иногда один раз.

Иногда несколько.

И всякий раз после этого Мишель долго лежал без сна, глядя в темноту своей кельи и думая о людях, которые, по словам старика из сна, все еще ждали где-то там... внизу.

Так незаметно прошла зима.

Снег, месяцами лежавший вокруг Аббатства Святого Иеронима, начал медленно таять. С крыш потянулись длинные капли, дороги раскисли, а серый лес вокруг монастыря постепенно оживал после долгих холодов. По утрам над болотами теперь поднимался влажный туман, и ветер уже не резал лицо ледяным холодом, как прежде. Весна пришла тихо, почти незаметно, но вместе с ней в аббатство словно вернулась какая-то скрытая тревога.

Поиски Мишеля по-прежнему ни к чему не приводили.

За долгие месяцы он просмотрел огромное количество хроник, писем и монастырских записей, однако все важное словно специально исчезало прямо у него из рук. Стоило появиться хоть малейшему намеку на нижние коридоры или странные события прошлого, как страницы оказывались вырванными, записи - испорченными, а упоминания - слишком расплывчатыми и осторожными.

Иногда ему начинало казаться, что кто-то задолго до него очень тщательно очищал историю аббатства. Причем делал

это не один раз.

Будто многие годы здесь уничтожали любые следы какой-то страшной тайны.

Но сильнее всего Мишеля мучило другое ощущение.

Чем дольше он размышлял обо всем произошедшем, тем яснее понимал - его словно специально втянули во все это. Слишком уж странно складывались события с самого начала. Сначала неожиданное приглашение в аббатство, затем встреча с Себастьяном, та загадочная записка, старый план, исчезновение людей и бесконечные намеки, которые будто специально подталкивали его все глубже в эту историю.

Словно кто-то заранее знал, что он не сможет остановиться. Что любопытство окажется сильнее осторожности.

И действительно, Мишель уже давно понимал - теперь он не успокоится, пока не узнает правду. Тайна аббатства постепенно захватила его целиком. Даже работая с обычными рукописями, он продолжал искать скрытые знаки, странные записи или случайные упоминания. Он начал замечать за собой, что думает о подземельях постоянно - во время трапезы, перед сном, просыпаясь среди ночи от колокольного звона. Иногда ему становилось страшно от самого себя.

Раньше он был спокойным человеком, привыкшим к размеренной жизни переписчика, к книгам и тишине. Теперь же внутри него словно поселилось беспокойство, не дававшее покоя ни днем, ни ночью.

А Аббатство Святого Иеронима тем временем продолжа-

ло жить своей странной жизнью.

Монахи все так же молчали за трапезами. Настоятель почти не появлялся, и поговаривали, что болезнь окончательно приковала его к постели. Маттео по-прежнему был сдержан и немногословен, а немой монах продолжал возникать где-то вдали, словно тень, и исчезать прежде, чем Мишель успевал к нему приблизиться.

Только колокол продолжал звучать.

Иногда среди ночи.

Иногда перед рассветом.

А порой и днем - без всякой причины.

И каждый раз после его ударов Мишель испытывал странное чувство, будто под аббатством действительно кто-то есть. Кто-то, кто все еще ждет.

Глава 8.

Весна постепенно вступала в свои права, хотя старое аббатство словно сопротивлялось ей. Даже теперь, когда снег почти сошел, в коридорах по-прежнему стоял сырой холод, а каменные стены сохраняли зимнюю промозглость. В библиотеке это ощущалось особенно сильно. Здесь почти никогда не менялся воздух - все тот же запах старой бумаги, воска, пыли и чего-то едва уловимо затхлого, будто сами книги за долгие годы впитали в себя дыхание людей, давно ушедших из жизни.

Мишель продолжал работать почти без отдыха. День за днем он разбирал рукописи, перечитывал старые хроники и внимательно просматривал книги, надеясь наткнуться хотя бы на малейший след того, что скрывалось под аббатством. Но поиски по-прежнему ни к чему не приводили. Иногда ему начинало казаться, что тайна словно играет с ним - подпускает совсем близко, дает почувствовать разгадку, а затем снова исчезает в темноте старых стен.

В тот день библиотека была особенно тихой. За окнами шел мелкий весенний дождь, и слабый серый свет едва проникал сквозь узкие стекла. Мишель долго сидел за столом, перебирая очередные записи, пока вдруг не поймал себя на мысли, что еще ни разу не проверял самые верхние полки в дальнем углу библиотеки. Обычно туда никто не заглядывал. Книги под самым потолком покрылись таким слоем пыли, будто к ним не прикасались десятилетиями.

Некоторое время он задумчиво смотрел в ту сторону, а затем поднялся и принес старую деревянную лестницу.

Ступени тихо скрипнули под его весом.

Поднявшись почти к самому потолку, Мишель осторожно начал передвигать тяжелые книги. Пыль тут же посыпалась вниз, заставив его поморщиться и тихо кашлянуть. Некоторые переплеты буквально рассыпались в руках от старости. Он медленно перебирал один том за другим, уже почти решив, что снова зря теряет время, как вдруг заметил нечто странное.

Между стеной и краем полки темнело маленькое отверстие. Ровное, слишком аккуратное для обычной трещины в камне.

Сердце Мишеля невольно забилося быстрее. Он осторожно отодвинул еще несколько книг и наклонился ближе.

Это действительно оказалось замочное отверстие. Очень маленькое и почти незаметное. Кто-то явно постарался спрятать его за книгами так, чтобы случайный взгляд никогда его не обнаружил.

Мишель почувствовал, как внутри медленно поднимается волнение.

- Неужели... - едва слышно прошептал он.

Он осторожно коснулся пальцами холодного камня вокруг замка и замер, пытаясь понять, что именно может скрываться за стеной. Потайная ниша? Тайник? Или вход в еще одну часть старого аббатства?

И тут память неожиданно вспыхнула так ясно, что он даже тихо выдохнул от удивления. - Ключ.

Маленький странный ключик, найденный несколько недель назад в одном из ящиков письменного стола.

Тогда Мишель еще долго вертел его в руках, удивляясь необычному размеру. Он даже хотел выбросить находку вместе с прочим бесполезным хламом, но в последний момент почему-то передумал и оставил ключ среди своих вещей. Теперь же внутри все похолодело от внезапной догадки.

Он быстро спустился по лестнице, едва не оступившись на

последних ступенях, и почти сразу направился к столу. Выдвинув ящик, Мишель начал торопливо перебирать лежавшие там бумаги, перья, старые печати и мелкие предметы, накопившиеся за месяцы работы.

Сердце билось все быстрее. Несколько раз ему казалось, что ключ исчез, и от этого в груди начинало неприятно сжиматься.

Но наконец пальцы коснулись холодного металла. Мишель резко вытащил находку и замер. Маленький потемневший ключ действительно был у него в руке.

- Вот он... - почти шепотом произнес он, и в голосе впервые за долгое время прозвучала настоящая радость.

За окнами в этот момент особенно сильно ударил ветер, а где-то далеко в глубине аббатства неожиданно глухо прозвучал колокол.

Сердце Мишеля билось так сильно, что ему казалось - этот стук сейчас разнесется по всей библиотеке.

Осторожно оглянувшись по сторонам, он быстро поднялся обратно по лестнице и дрожащими пальцами вставил маленький ключ в замочное отверстие. Ключ вошел легко, словно долгие годы ждал именно этого момента. Мишель осторожно повернул его, но замок не поддался. Тогда он попробовал еще раз, сильнее надавив рукой, однако снова ничего не произошло. Лишь старый металл тихо скрипнул в глубине стены.

На мгновение его охватило разочарование. Может быть,

ключ все-таки был не от этого тайника. Может, он снова ошибся и позволил надежде увлечь себя слишком далеко. Но внутреннее чувство подсказывало обратное. Слишком уж точно подходил ключ, слишком правильно входил в замок.

Мишель глубоко вдохнул и попробовал еще раз.

На этот раз внутри стены что-то тихо щелкнуло.

Звук был едва слышным, но в наступившей тишине показался Мишелю почти оглушительным. Маленькая дверца медленно приоткрылась, выпуская наружу запах сырого камня, старой бумаги и многолетней пыли. Несколько секунд он просто смотрел на темное отверстие, не решаясь сразу сунуть туда руку. Столько месяцев поисков, догадок и бессонных ночей вдруг неожиданно привели его к настоящему тайнику, скрытому прямо в стене библиотеки.

Осторожно протянув руку внутрь, Мишель начал ощупывать содержимое. Пальцы почти сразу наткнулись на свиток, перевязанный тонкой бечевкой, а рядом лежали еще какие-то бумаги, аккуратно сложенные и завернутые в старую ткань. Судя по всему, их прятали здесь очень давно и явно не собирались показывать посторонним.

Волнение охватило его с новой силой.

Теперь тайна уже не казалась далекой и призрачной. Она была совсем рядом, буквально у него в руках.

Мишель быстро вытащил находку и спрятал под камзол. Затем так же осторожно закрыл маленькую дверцу, повернул ключ обратно и несколько минут тщательно расставлял

книги по местам, стараясь оставить все точно так, как было раньше. Лишь убедившись, что тайник снова полностью скрыт за старыми переплетами, он медленно спустился вниз.

Руки у него заметно дрожали.

Вернувшись к столу, Мишель попытался заняться работой, но мысли уже окончательно покинули и рукописи, и библиотеку. Все его внимание теперь было приковано к бумагам, спрятанным под одеждой. Ему хотелось немедленно развернуть их, прочитать каждую строчку, понять наконец, что именно столько времени скрывалось в стенах аббатства. Но вместе с этим желанием пришла осторожность.

Маттео мог появиться в любую минуту.

Да и вообще теперь Мишель слишком хорошо понимал - если эти бумаги были спрятаны в таком месте, значит, за ними стояла настоящая опасность. Здесь ничего не прятали просто так.

Он невольно поднял глаза на темные стеллажи библиотеки. Высокие ряды книг уходили в полумрак, и на какое-то мгновение ему снова показалось, будто кто-то наблюдает за ним оттуда, из глубины между полок. Это ощущение было настолько явным, что по спине пробежал холод.

Мишель быстро отвел взгляд и заставил себя успокоиться.

- Нет... сейчас нельзя торопиться. Нужно дождаться ночи.

Дождаться, когда монастырь окончательно погрузится в тишину, когда шаги монахов стихнут в коридорах и только редкие удары колокола будут нарушать темноту старого аб-

батства.

Тогда, оставшись один в своей келье, он наконец узнает, какую тайну столько лет скрывали эти стены.

Он сидел неподвижно, склонившись над раскрытой рукописью и делая вид, будто полностью поглощен работой. Перо медленно скользило по бумаге, хотя мысли его были уже далеко от переписываемого текста. Все внимание Мишеля теперь занимали спрятанные под камзолом бумаги, тяжесть которых он почти физически ощущал на себе. Казалось, сама ткань одежды стала тяжелее от тайны, которую он скрывал.

Когда дверь библиотеки неожиданно открылась, Мишель едва заметно вздрогнул, но тут же заставил себя сохранить спокойствие.

На пороге, как всегда в одно и то же время, стоял Маттео.

- Пора на вечернюю трапезу, - спокойно произнес монах.

За долгие месяцы Мишель уже привык к его постоянному присутствию. Маттео всегда появлялся вовремя, всегда сопровождал его по коридорам аббатства и почти никогда не оставлял одного вне библиотеки или кельи. Порой Мишелю начинало казаться, что это вовсе не забота о госте монастыря, а тщательно скрываемый надзор.

И все же сам Маттео оставался для него загадкой.

На лице монаха почти никогда не отражались эмоции. Ни удивления, ни раздражения, ни усталости. Его спокойствие временами даже пугало. Казалось, будто годы жизни в стенах

аббатства постепенно стерли из него все человеческие чувства, оставив лишь привычку к бесконечному исполнению одних и тех же обязанностей.

Только глаза выдавали другое.

Темные, внимательные, они всегда будто следили за каждым движением собеседника. Иногда Мишелю казалось, что Маттео замечает гораздо больше, чем показывает.

Поднявшись из-за стола, Мишель осторожно поправил камзол, стараясь убедиться, что спрятанные бумаги не видны. На мгновение ему даже почудилось, будто взгляд Маттео задержался чуть дольше обычного, но лицо монаха осталось таким же невозмутимым.

Они молча вышли из библиотеки.

Коридоры аббатства уже тонули в вечернем полумраке. Вдоль стен дрожали огоньки свечей, отбрасывая длинные тени на старый камень, а где-то далеко монотонно завывал ветер. За окнами сгущались сумерки, и монастырь снова становился похожим на огромный каменный лабиринт, отрезанный от всего остального мира.

Но сегодня Мишель шел за Маттео совсем с другим чувством. Впервые за долгое время он испытывал почти нетерпение.

Обычно вечерняя трапеза казалась ему такой же унылой частью монастырского распорядка, как и все остальное в этих стенах. Однако теперь ему хотелось лишь одного - чтобы этот вечер поскорее закончился. Чтобы монахи разо-

шлись по своим кельям, чтобы в коридорах стихли шаги и он наконец смог остаться один.

Один на один с найденными бумагами.

С тайной, которая, возможно, уже совсем скоро начнет открывать ему свое настоящее лицо.

Глава 9.

Ночь окончательно накрыла Аббатство Святого Иеронима. За узким окном лежала густая темнота, и только редкие порывы ветра тихо касались старых стен монастыря. Мишель сидел за столом, освещенным единственной свечой, и напряженно всматривался в найденные документы. Теперь, когда первое волнение немного улеглось, он внимательнее изучил бумаги и почти сразу понял - они были не такими древними, как показалось сперва.

Нет.

Этим записям было не больше тридцати лет.

Бумага хорошо сохранилась, чернила хоть и потускнели, но все еще оставались отчетливыми, а сургучные печати почти не рассыпались. Документы явно берегли очень тщательно и прятали в сухом месте. Значит, тайна, скрытая в них, была куда ближе к настоящему времени, чем он предполагал.

Мишель медленно перевернул очередной лист и нахмурился. Чем дальше он читал, тем сильнее менялось выражение его лица.

Текст был составлен осторожно, с множеством недомолвок, будто писавшие боялись оставить слишком явные следы. Некоторые имена скрывались за сокращениями, отдельные строки были переписаны другим почерком, а несколько мест и вовсе аккуратно затерты ножом. Но смысл постепенно становился понятен.

Речь шла о ребенке королевской крови.

Мишель почувствовал, как сердце тяжело ударило в груди. Он вновь перечитал строки, не веря собственным глазам.

В документах упоминалась девочка, рожденная тайно и скрытая сразу после появления на свет. Имя ребенка нигде не называлось полностью, однако рядом стоял королевский герб, а в одном из писем ясно говорилось о "наследнице, чье существование не должно стать известным двору".

Наследнице.

Мишель медленно откинулся на спинку стула, не сводя глаз с бумаги. Выходило, речь шла не просто о незаконнорожденном ребенке.

Это была принцесса.

Причем, судя по записям, единственная законная наследница престола после неожиданной смерти королевы. Но по какой-то причине рождение девочки решили скрыть. В одном из писем осторожно намекалось на заговор при дворе, на борьбу за власть и на людей, которым было выгодно исчезновение младенца.

Аббатству Святого Иеронима поручили спрятать ребенка.

Навсегда.

Мишель медленно провел рукой по лицу. Теперь многое начинало складываться в пугающую картину. Тайные подземелья. Уничтоженные записи. Страх монахов. И план, который столько лет скрывали в стене библиотеки.

Аббатство не просто охраняло тайну. Оно прятало живого человека, и судя по всему, делало это уже многие годы.

Свеча тихо потрескивала, а Мишель продолжал читать обрывки старых писем. Из них следовало, что девочку воспитывали в полной изоляции. Лишь немногие знали о ее существовании. Остальные монахи, вероятно, даже не подозревали, кого именно скрывают под стенами монастыря.

В какой-то момент он замер. Мысль, внезапно пришедшая ему в голову, заставила его медленно поднять глаза от документов.

Если бумаги пролежали здесь почти тридцать лет...

Значит, принцесса давно уже не ребенок.

Где-то в глубине аббатства жила взрослая женщина, всю жизнь проведенная в заточении среди каменных стен и чужих тайн.

И в этот момент где-то далеко под монастырем снова глухо ударил колокол.

Мишель еще долго сидел неподвижно, не сводя глаз с документов. Мысли путались. Слишком многое вдруг перевернулось в его голове за эту ночь. Тайна аббатства оказалась куда страшнее и опаснее, чем он мог предположить. Речь шла

уже не о скрытых коридорах и монастырских интригах, а о королевской крови, о наследнице престола, которую почти тридцать лет прятали от мира.

Он сидел неподвижно, пытаясь прийти в себя после прочитанного. Мысли путались. Найденные документы уже перевернули весь привычный мир с ног на голову, но теперь его внимание все сильнее притягивал лежавший рядом свиток.

Свеча догорала, расплавленный воск медленно стекал по подсвечнику, а в келье становилось все холоднее. Мишель осторожно отложил документы о рождении ребенка и взял в руки свиток.

Теперь, рассмотрев его внимательнее, он понял, что свиток был вовсе не древним. Да, пергамент успел потемнеть от времени, но сохранился слишком хорошо для старинной рукописи. Ему было, вероятно, лет двадцать или чуть больше - не старше. Значит, написан он был уже спустя годы после рождения девочки.

Эта мысль сразу насторожила Мишеля еще сильнее.

Он осторожно развернул свиток до конца и начал читать внимательнее, уже не торопясь. Почерк был неровным, местами торопливым, будто писавший боялся, что его могут прервать в любой момент. Некоторые слова перечеркивались и писались заново. В нескольких местах на пергаменте остались темные следы от капель воска.

С первых строк стало ясно - это не церковный документ и не хроника. Скорее признание или предупреждение.

Автор писал о девушке, выросшей в стенах Аббатства Святого Иеронима. О той, кого монахи называли между собой "Спящей наследницей". В свитке не было ее имени, но теперь Мишель уже не сомневался, о ком идет речь. Девочку спрятали здесь сразу после рождения, а затем просто... оставили.

Годы шли.

Менялись настоятели.

Умирили монахи.

Но тайна оставалась жить под каменными сводами монастыря.

Мишель медленно читал дальше, чувствуя, как внутри растет тяжелое беспокойство. Из обрывочных фраз постепенно складывалась страшная картина. Девушку не просто скрывали от мира - ее намеренно держали вдали от людей. Ей запрещалось покидать нижние помещения аббатства. О ее существовании знали лишь единицы. Остальным монахам рассказывали, будто под монастырем находятся лишь старые склепы и закрытые хранилища.

Но больше всего Мишеля поразила одна короткая запись, сделанная почти в самом конце: "Она уже знает правду о себе".

Он перечитал эти слова несколько раз. Значит, наследница давно понимала, кто она такая. Понимала, что у нее отняли не только имя, но и целую жизнь.

Мишель медленно откинулся на спинку стула и прикрыл

глаза. В голове вдруг отчетливо всплыли тяжелые удары колокола, странное поведение монахов, страх в глазах Себастьяна и бесконечные попытки скрыть любые упоминания о подземельях.

Теперь все начинало соединяться.

Аббатство Святого Иеронима оказалось не просто монастырем. Оно было тюрьмой.

Где-то под этими древними стенами жила женщина, которую почти сорок лет скрывали от всего мира ради чужой власти и церковных интриг.

И впервые за все время пребывания в монастыре Мишель почувствовал не любопытство, а глухую злость. Потому что теперь эта тайна перестала быть просто загадкой прошлого.

Она стала человеческой судьбой.

Еще некоторое время Мишель сидел, глядя на дрожащий огонек свечи. Мысли медленно кружились в голове, тяжелые и тревожные, словно темные птицы над болотами вокруг аббатства. Теперь все увиденное и прочитанное уже невозможно было забыть. Тайна перестала быть просто любопытной загадкой старого монастыря. Она обрела лицо, судьбу и живую человеческую боль.

Где-то под этими каменными сводами находилась женщина, которая почти всю жизнь прожила в заточении, скрытая от мира чужим страхом и жаждой власти.

Мишель невольно провел рукой по лицу и устало прикрыл глаза. За последние месяцы он привык к странностям аббат-

ства, к ночным колоколам, к мрачным коридорам и молчаливым монахам, но сейчас впервые почувствовал себя по-настоящему втянутым во что-то опасное. Слишком опасное, чтобы просто сделать вид, будто ничего не произошло.

Свеча тихо потрескивала, а воск медленно стекал по подсвечнику.

Наконец Мишель осторожно собрал документы и свиток. Аккуратно сложил бумаги, вновь завернул их в ткань и спрятал под камзол. Там они казались надежнее, ближе к телу, словно он инстинктивно пытался защитить найденную тайну даже во сне.

Мысль о том, что утром придется вернуть все обратно в тайник библиотеки, немного успокаивала. Пока бумаги находятся при нем, опасность словно становится слишком реальной.

Он медленно поднялся, задул свечу и лег на узкую лежанку. Келья сразу погрузилась в темноту.

Лишь слабый ветер едва слышно касался окна, а где-то очень далеко в глубине аббатства снова глухо прозвучал колокол.

Но теперь этот звук уже не казался Мишелю просто частью монастырской жизни. Теперь он звучал как предупреждение.

С этой мыслью Мишель закрыл глаза, и усталость наконец взяла верх над тревогой.

Глава 10.

Утро в Аббатстве Святого Иеронима началось непривычно тихо. Мишель проснулся еще затемно и некоторое время лежал неподвижно, вслушиваясь в звуки за стенами своей кельи. Обычно в этот час он уже различал размеренные шаги Маттео в коридоре, скрип дверей и приглушенные голоса монахов, спешивших к утренней молитве. Но сегодня аббатство будто замерло. Даже колокол молчал.

Он поднялся, умылся ледяной водой из чана и оделся, время от времени бросая взгляд на дверь. Ожидание постепенно сменялось тревогой. Маттео никогда не опаздывал и уж тем более не забывал о своих обязанностях. Однако минуты шли, а в коридоре по-прежнему стояла странная тишина.

Не выдержав, Мишель осторожно приоткрыл дверь и выглянул наружу.

Длинный каменный коридор был пуст. Лишь несколько свечей тускло догорали в нишах, наполняя пространство дрожащим желтоватым светом. Воздух казался тяжелым и неподвижным, словно само аббатство затаило дыхание.

Мишель медленно вышел из кельи и направился в сторону трапезной, но уже возле лестницы услышал наверху торопливые шаги и приглушенные голоса. Монахи быстро поднимались по ступеням, тихо переговариваясь между собой. На их лицах читалось напряжение, которого он прежде не заме-

чал даже во время самых строгих служб.

Проходя мимо, один из братьев едва слышно произнес:
- Отец Бенедикт умер этой ночью...

Эти слова будто окончательно нарушили привычный порядок монастырской жизни. Мишель остановился и медленно поднял взгляд вверх, туда, где за толстыми стенами находились покои настоятеля. Он давно понимал, что болезнь Бенедикта не оставит ему шансов. Старик кашлял все сильнее, задыхался даже во время коротких разговоров, а лицо его с каждым месяцем становилось серее и тяжелее. И все же теперь, когда смерть действительно пришла за настоятелем, аббатство словно изменилось.

В воздухе появился страх.

Причем страх не перед смертью, к которой монахи, казалось, привыкли с юности, а перед чем-то другим.

Очень скоро Мишель понял чем именно.

Среди монахов уже шепотом обсуждали нового настоятеля, которого должны были прислать вместо Бенедикта. Имя старались не произносить слишком громко, но тревога слышалась в каждом голосе. Говорили, что отец Грегор человек крайне строгий, суровый и подозрительный. Будто в монастыре, где он прежде служил, монахи боялись лишний раз поднять глаза без разрешения. Кто-то утверждал, что он близок к епископу и лично выполняет самые щекотливые поручения церкви.

Эта новость неприятно кольнула Мишеля.

Все последние месяцы он существовал внутри странного равновесия. Больной Бенедикт уже почти не вмешивался в жизнь аббатства, Маттео жил по привычному распорядку, а монахи давно смирились с однообразием дней. Именно эта медленная и сонная жизнь позволяла Мишелю искать ответы, читать старые рукописи и незаметно продвигаться все глубже к тайне монастыря.

Теперь же все могло измениться.

Но вместе с тревогой в его голове почти сразу появилась другая мысль. Новый настоятель приедет не раньше чем через неделю. А значит, время пока еще на его стороне.

Смерть Бенедикта отвлекла всех. Монахи были заняты приготовлениями к похоронам, молитвами и бесконечной суетой. Даже Маттео впервые за долгое время явно не сможет следить за ним так внимательно, как прежде.

Пользуясь этим, Мишель незаметно свернул в сторону библиотеки. Внутри оказалось пусто и непривычно тихо. Серый утренний свет с трудом проникал через узкие окна, ложась бледными полосами на старые книжные стеллажи. В этой тишине библиотека казалась еще древнее, словно сама хранила память о людях, давно превратившихся в прах.

Мишель быстро подтащил лестницу к дальнему углу и поднялся вверх. Сердце билось быстрее обычного, хотя вокруг никого не было. Осторожно раздвинув книги, он открыл маленькую дверцу тайника и спрятал туда свиток и документы. Несколько мгновений он еще смотрел на бумаги,

будто не желая выпускать их из рук, потом аккуратно закрыл тайник и заставил его книгами.

Только теперь он смог спокойно выдохнуть.

Если в ближайшие дни начнутся проверки, при нем ничего не найдут.

Спустившись вниз, Мишель направился к покоям покойного настоятеля. Коридоры возле комнаты Бенедикта уже наполнились монахами. Кто-то нес свечи, кто-то менял покрывала, кто-то тихо читал молитвы над умершим. В воздухе смешались запах ладана, сырости и воска.

Посреди этой суеты стоял Маттео.

Он раздавал распоряжения спокойно и четко, но Мишель впервые заметил на его лице следы усталости. Обычно невозмутимый и холодный, сегодня он выглядел напряженным, словно смерть Бенедикта разрушила нечто привычное и устойчивое даже для него.

Увидев Мишеля, Маттео сразу подошел ближе.

- Как хорошо, что вы сами пришли, - негромко произнес он. - Я уже собирался послать за вами.

Мишель почтительно склонил голову.

- Надо сделать запись в архивных документах о смерти отца Бенедикта. Вы лучше всех знаете бумаги и хроники.

- Да, конечно... я сейчас же займусь этим, - спокойно ответил Мишель.

Маттео коротко кивнул и вновь повернулся к монахам, продолжая отдавать распоряжения, а Мишель невольно за-

держал взгляд на закрытой двери комнаты настоятеля.

Еще вчера за этой дверью жил человек, державший в руках судьбу всего аббатства.

Сегодня там осталась только смерть.

И почему-то именно сейчас Мишель особенно ясно почувствовал: вместе с Бенедиктом в монастыре закончилось последнее спокойное время.

Мишель почтительно поклонился Маттео и, стараясь не привлекать к себе внимания, быстро поднялся в библиотеку. Здесь, как и прежде, царила привычная полутьма и запах старой бумаги, пыли и сырого дерева. Узкие окна пропускали совсем мало света, и серое утро казалось внутри библиотеки еще более мрачным. Он сел за большой стол, разложил перед собой архивные записи и уже приготовился внести в монастырскую хронику новую строчку о смерти отца Бенедикта, как вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд.

Подняв голову, Мишель вздрогнул.

В дверях неподвижно стоял брат Лукас.

Немой монах, как всегда, появился совершенно бесшумно, будто вырос прямо из каменной стены. Его худое лицо казалось еще бледнее обычного, а темные глаза внимательно смотрели на Мишеля. Несколько мгновений он молчал, потом медленно поднес палец к губам, давая понять, чтобы тот не произносил ни слова.

После этого Лукас быстро сделал знак следовать за ним.

Мишель даже не задумался. Он сразу поднялся из-за сто-

ла и пошел следом.

Они двигались быстро и почти бесшумно. Лукас уверенно вел его по узким коридорам, затем свернул к лестнице, уходящей вниз. Чем глубже они спускались, тем холоднее становился воздух. Сырые стены покрывал темный налет, а редкие свечи горели тускло и неровно, словно сами задыхались в этом подземном мраке.

Мишель уже понимал, куда его ведут.

В ту самую старую молитвенную комнату под аббатством. Туда, где впервые увидел Себастьяна.

Лукас остановился возле тяжелой двери и осторожно приоткрыл ее. Внутри горела всего одна свеча. Ее слабого света едва хватало, чтобы разглядеть каменные стены и грубо сколоченную лежанку в дальнем углу комнаты.

Когда Мишель вошел внутрь, сердце у него невольно сжалось.

Брат Себастьян лежал на лежанке, укрытый старым шерстяным одеялом. Старик изменился за то время, что они не виделись. Его лицо стало почти серым, щеки ввалились, а дыхание было тяжелым и неровным. Казалось, сама жизнь едва удерживается в этом иссохшем теле.

Но глаза... Глаза по-прежнему оставались живыми и внимательными.

Увидев Мишеля, Себастьян слабо усмехнулся.

- Ну вот... — хрипло произнес он. - А я уж подумал... что не успею тебя увидеть перед смертью...

Голос его звучал тихо и надломленно. После каждой фразы ему приходилось делать паузу, чтобы перевести дыхание. Мишель медленно подошел ближе.

Теперь он особенно ясно понял, почему Лукас привел его сюда тайно. Себастьян действительно умирал. Не через месяцы или недели. Возможно, уже через несколько дней.

В комнате стоял тяжелый запах лекарственных трав, сырости и старости. Где-то в глубине подземелья тихо капала вода, и этот однообразный звук делал тишину еще более гнетущей.

Лукас бесшумно закрыл дверь и остался возле входа, словно сторожевой пес.

Себастьян некоторое время молчал, внимательно разглядывая Мишеля, будто пытался убедиться, что сделал правильный выбор.

Потом медленно приподнял дрожащую руку.

- Слушай внимательно... времени у нас мало...

Мишель невольно подался вперед.

Старик тяжело закашлялся, прикрывая рот рукавом, потом с трудом продолжил:

- После смерти Бенедикта... все изменится... Отец Грегор не похож на остальных... Он не станет хранить тайну... как хранили ее прежние настоятели...

Себастьян перевел дыхание и прикрыл глаза, словно собираясь с силами.

- Он приедет... чтобы закончить эту историю...

В комнате стало так тихо, что Мишель слышал потрескивание свечи.

Себастьян снова открыл глаза и внимательно посмотрел на него.

- Ты должен найти ее раньше... иначе будет поздно... слишком поздно...

Мишель почувствовал, как внутри медленно нарастает тревога. Старик с трудом повернул голову в сторону стены.

- Из библиотеки есть путь вниз... настоящий путь... Не тот, что знают монахи... Тайный ход начинается за западным стеллажом... третья полка сверху... Там камень с трещиной... нажмешь - откроется проход...

Он снова закашлялся, и на мгновение Мишелю показалось, что старик уже не сможет продолжать. Но Себастьян упрямо перевел дыхание и хрипло добавил:

- Этот ход ведет глубже... туда, где начинается старый тоннель... Через него брат Элиас выводил Изабеллу к поляне среди болот...

Имя принцессы впервые прозвучало вслух в этих подземельях, и от этого по спине Мишеля пробежал холод.

Себастьян медленно закрыл глаза.

- Когда меня не станет... доверяй только Лукасу... Больше никому...

После этих слов старик надолго замолчал, и Мишель вдруг с тревогой понял, насколько близко к нему уже подошла смерть.

Глава 11

Мишель быстро пододвинул старую деревянную скамью ближе к лежанке и сел, стараясь не сводить взгляда с Себастьяна. В дрожащем свете единственной свечи старик выглядел пугающе слабым. Лицо его осунулось еще сильнее, кожа приобрела почти пепельный оттенок, а дыхание стало тяжелым и прерывистым, будто каждое слово причиняло ему боль. И все же в глубоко запавших глазах по-прежнему сохранялся живой, цепкий ум - тот самый, который Мишель заметил еще при первой встрече в этой сырой подземной келье.

Несколько мгновений он молчал, пытаясь собраться с мыслями. За последние месяцы жизнь в аббатстве постепенно превратилась для него в странный сон, наполненный тайнами, намеками и тревожными недомолвками. Но сейчас этот сон начинал обретать реальные очертания, становился опасно живым и настоящим.

Наконец Мишель тихо спросил:

- Почему ты раньше не звал меня?.. И кто такой брат Элиас?.. Кто такая Изабелла?..

Себастьян едва заметно усмехнулся. Улыбка вышла усталой и какой-то бесконечно печальной.

- Ты, наверное, уже нашел документы в тайнике... - прошептал он хриплым голосом. - Значит... догадался... Я знал,

что ты обязательно найдешь...

Он ненадолго прикрыл глаза, будто собираясь с силами. Было видно, что говорить ему тяжело. Грудь старика поднималась неровно, а тонкие пальцы, лежавшие поверх одеяла, слегка дрожали.

В подземелье стояла густая тишина. Где-то далеко в темноте размеренно падали капли воды. Брат Лукас неподвижно стоял у двери, словно тень, и лишь слабое пламя свечи иногда выхватывало из полумрака его худое лицо.

Себастьян медленно открыл глаза и заговорил снова.

Когда-то брат Элиас действительно был человеком совсем другого мира. Еще в молодости он служил при дворе, работал с архивами и библиотеками, знал несколько языков и считался одним из самых образованных людей своего времени. Его уважали даже высокопоставленные церковники, а многие важные документы проходили именно через его руки. Но судьба распорядилась иначе. После придворных интриг и какой-то давней истории, о которой Себастьян говорил лишь намеками, Элиас оказался в этом отдаленном аббатстве.

Именно тогда сюда тайно привезли младенца. Девочку, настоящую наследницу престола.

Мишель слушал, почти не двигаясь.

Старик говорил тихо и медленно, иногда надолго замолкая, чтобы перевести дыхание, но теперь в его голосе звучала не только усталость, а еще и странная горечь человека,

слишком долго хранившего чужую тайну.

При дворе шла борьба за власть. Рождение законной наследницы оказалось опасным для слишком многих людей. Кто-то хотел видеть на троне другого претендента, кто-то боялся усиления определенных родов, а кто-то просто стремился сохранить собственное влияние. Девочку решили спрятать. Не убить - это вызвало бы слишком много подозрений, - а именно скрыть от мира так, чтобы со временем о ней забыли. И аббатство Святого Иеронима идеально подходило для этого.

Затерянное среди лесов и болот, удаленное от крупных дорог и городов, оно хранило достаточно тайн, чтобы спрятать еще одну.

- Элиасу поручили воспитывать ее, - едва слышно продолжал Себастьян. - Сначала... это был просто долг... Но потом... он привязался к ребенку...

Старик тяжело закашлялся, прикрывая рот рукавом. Мишель уже хотел попросить его замолчать и поберечь силы, но Себастьян упрямо продолжил:

- Он стал для нее всем... Учителем... защитником... почти отцом... Без него она бы не выжила среди этих стен...

Пламя свечи дрогнуло, и по сырой стене скользнули длинные тени.

Элиас учил девочку читать, писать, рассказывал о мире, который она никогда не видела. Он приносил ей книги, показывал старые карты, учил языкам и истории. А иногда вы-

водил через тайный ход далеко за пределы монастыря - на скрытую среди болот поляну, куда невозможно было попасть обычным путем. Только там Изабелла могла чувствовать себя живой. Там она видела солнце, слышала птиц, чувствовала запах мокрой травы и леса.

Мишель невольно представил себе эту странную картину: молодую девушку, выросшую среди каменных стен, и старого монаха, который пытался подарить ей хотя бы кусочек настоящего мира.

И почему-то именно это тронуло его сильнее всего.

Не тайна престола, не заговор. А человеческое одиночество.

Себастьян надолго замолчал. Его дыхание становилось все тяжелее, но он словно боялся не успеть сказать главное.

Наконец старик снова заговорил, почти шепотом:

- Потом Элиас понял... что аббатство уже не защищает ее... Оно стало ее тюрьмой... Тогда он начал собирать документы... записи... хотел передать правду тем, кто еще остался верен старому королю...

Мишель медленно поднял взгляд.

Теперь становилось ясно, откуда появились бумаги в тайнике библиотеки.

- Но он не успел, - едва слышно закончил Себастьян. - Умер... почти восемь лет назад...

После этих слов в комнате снова повисла тяжелая тишина. Даже Лукас опустил голову, будто имя Элиаса до сих пор

причиняло ему боль.

Себастьян прикрыл глаза, потом медленно повернул голову к нему монаху.

- После смерти Элиаса только Лукас помогал ей... приносил еду... книги... сопровождал через ход... За это ему и отрезали язык...

Мишель почувствовал, как по спине медленно пробежал холод.

Теперь многое в аббатстве приобретало совсем иной смысл. Молчаливость Лукаса, страх монахов, ночные колокола, постоянные запреты - все это оказалось частью одной старой и страшной тайны, которую слишком долго прятали под каменными сводами монастыря.

Себастьян с трудом открыл глаза и долго смотрел на Мишеля.

- А потом появился ты... - прошептал он слабо. - Переписчик книг... человек со стороны... И я понял... может быть... Господь все-таки не оставил Изабеллу окончательно...

Себастьян снова надолго замолчал. Было слышно лишь его тяжелое, свистящее дыхание да тихое потрескивание свечи, догоравшей в железном подсвечнике у стены. Мишель сидел неподвижно, не решаясь нарушить эту вязкую тишину. Ему казалось, что вместе со стариком медленно угасает какая-то последняя нить, удерживавшая аббатство от окончательного мрака.

Наконец Себастьян снова открыл глаза и с трудом повер-

нул голову в сторону Мишеля.

Пока Бенедикт был жив и болезнь держала его в полузабытии, Изабелла оставалась в относительной безопасности. Старый настоятель уже слишком устал от собственной жизни, чтобы внимательно следить за каждым шагом монахов. Он многое видел, многое понимал, но предпочитал закрывать глаза. Именно поэтому Лукас мог навещать Изабеллу чаще, приносить ей книги, еду и иногда даже выводить через тайный ход к поляне среди болот.

Но теперь все изменится.

Себастьян говорил медленно, почти шепотом, и каждое слово давалось ему с заметным трудом.

Смерть Бенедикта означала конец прежнего порядка. С приездом нового настоятеля аббатство станет другим. Более жестким. Более опасным. Отец Грегор не из тех людей, что позволяют тайнам жить своей собственной жизнью. Он обязательно начнет проверять, искать, подозревать. А значит, Изабелла окажется в настоящей опасности.

Мишель внимательно слушал, ощущая, как внутри медленно нарастает тревога.

- Ты должен увидеть ее... сейчас... пока в монастыре переполох... пока не приехал Грегор... - едва слышно произнес Себастьян. - Лукас проведет тебя...

После этих слов старик замолчал. Его грудь тяжело поднималась, дыхание стало неровным и хриплым. Казалось, разговор окончательно отнял у него последние силы.

Мишель невольно подался вперед.

Себастьян прикрыл глаза и устало прошептал:

- Я устал... Мне нужно отдохнуть...

В его голосе больше не осталось прежней хитрой насмешливости. Сейчас перед Мишелем лежал просто очень старый и смертельно уставший человек.

Он медленно поднялся со скамьи и осторожно поправил сползшее с лежанки покрывало.

— Я обязательно сделаю все, что в моих силах, - тихо сказал он. - Ты только не умирай пока...

На бледном лице Себастьяна появилась слабая улыбка.

- Нет... я пока еще поживу... Во всяком случае... до конца недели точно...

Старик тихо засмеялся, но смех сразу перешел в тяжелый кашель.

Мишель невольно опустил голову. Даже сейчас, стоя почти одной ногой в могиле, Себастьян умудрялся шутить так, будто смерть была всего лишь надоедливой соседкой за дверью.

Наконец старик едва заметно махнул рукой.

- Иди...

Лукас сразу открыл дверь, словно ждал этого знака. Мишель еще раз взглянул на Себастьяна, неподвижно лежавшего в полумраке, и вдруг ясно почувствовал: возможно, он видит его живым в последний раз.

Они молча поднялись по узкой каменной лестнице обрат-

но наверх. Подземный холод постепенно сменился привычной сыростью монастырских коридоров. Аббатство по-прежнему жило тревожной суетой после смерти Бенедикта. Где-то звучали приглушенные молитвы, торопливо проходили монахи, скрипели двери.

Но теперь Мишель смотрел на все иначе. Словно за привычными стенами скрывался еще один монастырь. Тайный, загадочный.

Лукас довел его до библиотеки и остановился у двери. Несколько секунд он внимательно смотрел на Мишеля своими темными, уставшими глазами, потом едва заметно кивнул и бесшумно исчез в полумраке коридора.

Мишель остался один.

Он медленно вошел в библиотеку, закрыл за собой дверь и некоторое время просто стоял посреди огромного помещения, глядя на ряды старых книг.

Теперь все вокруг казалось другим. Каждый коридор, лестница. И каждый камень этого аббатства.

А где-то глубоко под этими стенами жила женщина, которую весь мир давно считал мертвой.

Глава 12.

Оставшись один, Мишель еще долго сидел за большим библиотечным столом, машинально перебирая лежавшие перед ним бумаги и совершенно не замечая написанного.

Мысли его были далеко отсюда - там, в сырой подземной комнате, где на старой лежанке медленно угасал Себастьян. Казалось, старик передал ему не просто тайну, а нечто гораздо более тяжелое, от чего уже невозможно отказаться.

Перед глазами вновь всплывали его слова: "Третья полка сверху... камень с трещиной... нажать..."

Мишель задумчиво поднял взгляд на высокие стеллажи, уходившие под самый потолок библиотеки. За узкими окнами уже чувствовалась весна. Снег давно сошел, и теперь в сыром воздухе витал слабый запах мокрой земли и талой воды. Иногда ветер доносил снаружи крики птиц, и эти звуки казались здесь, среди древних книг и каменных стен, чем-то почти чужим.

- Так... а какой именно ряд?.. - тихо пробормотал он себе под нос. - Неужели придется перебирать все?..

Он медленно поднялся из-за стола и пошел вдоль стеллажей, внимательно рассматривая стены. Библиотека, как всегда, была погружена в полумрак и тишину. Лишь тонкие полосы сероватого света скользили по старым переплетам, а в воздухе стоял привычный запах пыли, воска и сырой бумаги.

Остановившись возле первого стеллажа, Мишель подтащил лестницу и осторожно поднялся наверх. Третья полка. Камень с тонкой трещиной действительно нашелся почти сразу.

Сердце невольно забилось быстрее. Он осторожно нажал. Ничего.

Мишель нахмурился, попробовал сильнее, потом еще раз, но стена оставалась неподвижной.

- Значит, не здесь... - тихо пробормотал он и спустился вниз.

Второй стеллаж тоже не дал результата.

Третий - тем более.

С каждой новой попыткой любопытство смешивалось с раздражением. На мгновение ему даже показалось, что Себастьян мог ошибиться или спутать что-то в горячке болезни.

Но на четвертом ряду все изменилось.

Камень с трещиной здесь был почти незаметен, скрытый за толстыми пыльными книгами. Мишель осторожно нажал на него, и в глубине стены вдруг раздался глухой металлический щелчок.

Он замер.

Несколько секунд ничего не происходило, потом между стеллажами медленно дрогнула каменная плита. Послышался тяжелый скрежет старого механизма, и часть стены начала медленно уходить в сторону. Из открывшейся щели потянуло холодной сыростью. За стеной скрывался узкий проход.

Мишель почувствовал, как по спине медленно пробежал холод. Он осторожно шагнул ближе и увидел каменную лестницу, уходящую вниз, в густую темноту под аббатством. Ступени были стерты временем, а стены покрывал влажный налет. Казалось, этому ходу сотни лет.

Некоторое время Мишель неподвижно стоял, всматриваясь в темноту. Теперь слова Себастьяна окончательно перестали быть просто рассказом старика. Тайный ход существовал на самом деле.

Где-то там, внизу, находилась Изабелла. Живая, настоящая. От одной этой мысли ему вдруг стало не по себе.

Мишель медленно провел рукой по холодному камню стены и сделал шаг назад. Нет... идти туда одному он не собирался. После всего услышанного ворваться неожиданно в тайное убежище девушки, прожившей почти всю жизнь в страхе и заточении, казалось ему неправильным и даже опасным. Да и сам он слишком мало понимал в происходящем.

Нет.

Он дождется Лукаса.

Только Лукас сможет провести его правильно. Только ему Изабелла, вероятно, еще доверяет.

Мишель осторожно закрыл проход. Каменная плита с глухим скрежетом вернулась на место, снова превращая тайный ход в обычную стену библиотеки. Он еще некоторое время стоял неподвижно, глядя на ряды книг, словно пытаясь осознать, насколько сильно изменилась его жизнь за последние месяцы.

Когда-то он приехал сюда всего лишь переписывать старые рукописи.

Теперь же оказался на пороге тайны, способной разрушить не только это аббатство, но, возможно, и весь королев-

ский двор.

К этому Мишель оказался совершенно не готов. Нет, трудом он себя никогда не считал, да и жизнь давно научила его осторожности, но одно дело - чужие сплетни, монастырские тайны или старые рукописи, и совсем другое - живая наследница престола, скрытая под древним аббатством среди болот и подземных ходов. Все происходящее начинало казаться ему слишком большим, слишком опасным для простого переписчика книг, которым он привык себя считать.

Он медленно отошел от стены, за которой только что открылся тайный проход, и тяжело опустился за стол. Мысли беспокойно кружились в голове, мешая сосредоточиться. Что делать дальше? Ждать Лукаса? Но сколько? День? Несколько дней? А если новый настоятель приедет раньше? Если Грегор действительно окажется таким, каким его описывали монахи, времени может остаться совсем мало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.